ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
„Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Выпускъ 50-й.

Охранительныя и реакціонныя партіи въ Россіи.

Очеркъ
Н. Д. Носкова.

подъ редакціей
проф. И. И. Иванюкова.

Отдѣльный выпускъ 5 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. М. Проппера, Галерная ул., с. д., № 40.
1906.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
„Биржевыхъ Вѣдомостей".

Выпускъ 50-й.

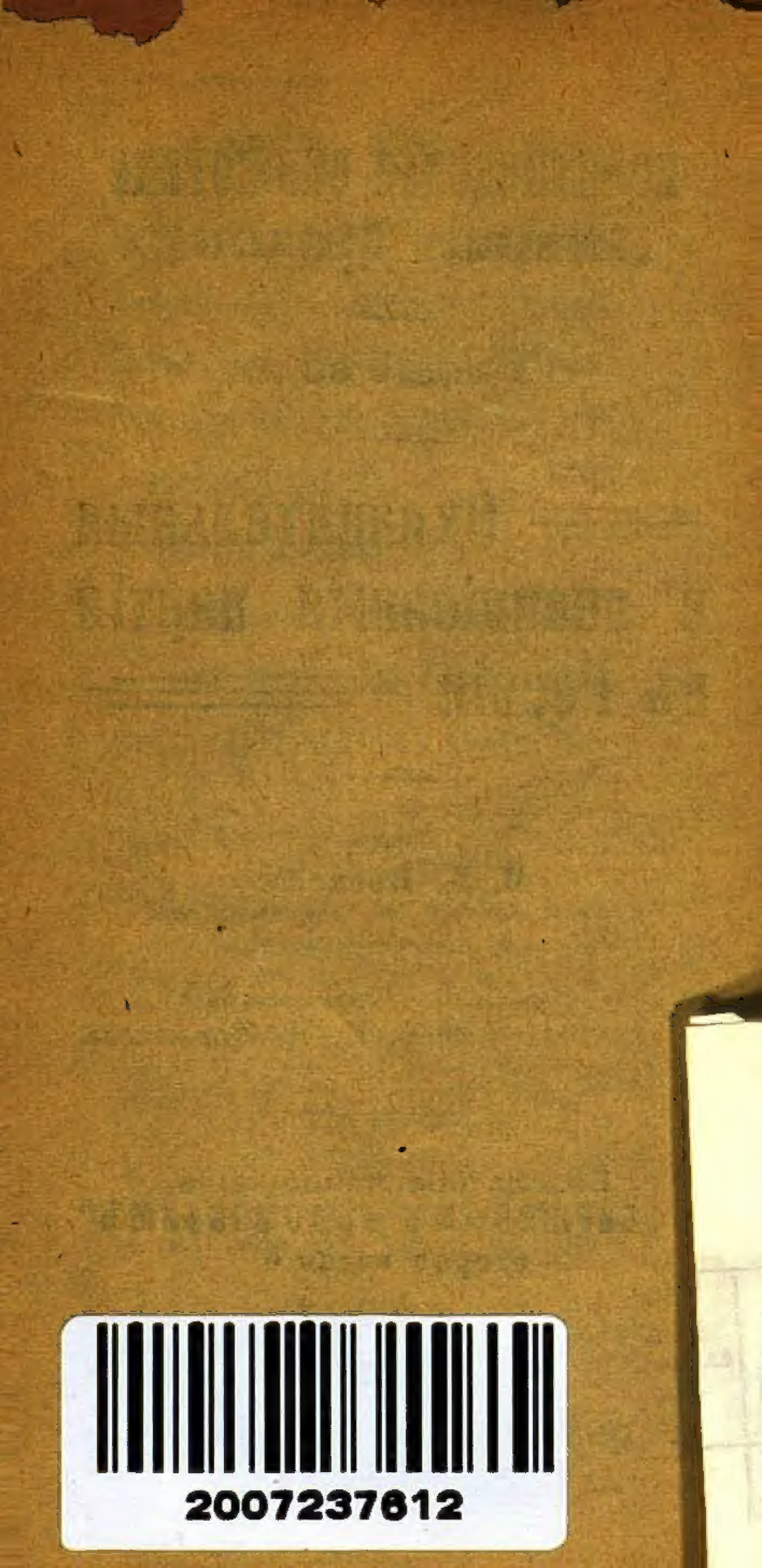
Охранительныя и реакціонныя партіи въ Россіи.

Очеркъ
П. Д. Носкова.

подъ редакціей
проф. И. И. Иванюкова.

Безплатное приложеніе
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ"
второе изданіе

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. М. Проппера, Галерная ул., с. д., № 40.
1906.

2007237612

I.

Существованіе политическихъ партій немыслимо въ государствахъ съ неограниченною властью.

Политическія партіи — принадлежность только конституціоннаго права. Существованіе ихъ предопредѣляетъ уже участіе народа въ политической жизни государства, такъ какъ только при парламентской борьбѣ возможна организованная защита идеаловъ партіи и проведеніе ихъ въ жизнь.

Такъ было и въ Россіи, гдѣ при самодержавномъ строѣ существованіе политическихъ партій не только запрещалось, но и каралось закономъ.

Манифестъ 17 октября 1905 г. возвѣщалъ о новыхъ началахъ русской жизни, проведеніе которыхъ возлагалось на правительство.

Народъ призывался манифестомъ къ участію въ управленіи государствомъ въ лицѣ выборныхъ представителей, возвѣщалось съ высоты престола о дарованіи населенію „незыблемыхъ основъ гражданской свободы."

Политическіе союзы и „сообщества" выходили въ жизнь изъ мрачнаго подполья.

Россія, казалось, вступала на новый путь правъ и свободы.

Оффиціально въ первый разъ признавалось, что корни волненія, охватившаго русское общество, находятся „въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними форма-

ми его жизни“. Оффиціально устанавливалось, что „Россія переросла форму существующаго строя, что она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы.“

Радость, однако, явилась непродолжительной.

Первый день свободы былъ уже омраченъ.

Новь и старина сошлись. Сошлись онѣ не въ открытомъ бою, не на аренѣ единственно возможной борьбы—путемъ свободнаго слова, —темные элементы, искусно провоцируемые друзьями старины, подобно стаѣ коршуновъ надъ не остывшимъ еще трупомъ, слетались со всѣхъ сторонъ на поживу.

Побѣда прогресса надъ реакціей была слишкомъ очевидна. Прошлое, подобно кошмару, уплывало въ сумракъ забвенія, будущее если и не растилалось безоблачною далью, то подавало надежды на лучшіе дни. Реакція еще разъ пыталась справить обычную кровавую тризну. Опираясь на безсознательные элементы, чувствуя уходящую изъ-подъ ногъ почву, реакціонеры омрачили первые дни конституціонной Россіи кровавыми избіеніями изъза угла, натравливаніемъ одной части населенія на другую, варварскими погромами.

Нельзя было открыто возстать противъ оффиціально объявленнаго обѣщанія перемѣны существующаго строя, и реакціонеры выискали объектъ, болѣе безопасный. Подонки общества науськиваются на учащуюся молодежь, на евреевъ, какъ на источникъ смуты всей русской жизни.

Въ Москвѣ черносотенныя дружины по одиночкѣ нападаютъ на студентовъ, стрѣляютъ изъ засады въ возвращающуюся съ похоронъ товарища молодежь; въ другихъ городахъ повторяется та же картина, на Югѣ происходитъ рядъ еврейскихъ погромовъ.

Студенты и евреи обвиняются въ томъ, что они—„измѣнники государства.“

Выбрасываются первые перлы анонимной черносотенной литературы.

То движеніе, которое, даже по словамъ всеподданнѣйшаго доклада, не можетъ разсматриваться, „какъ слѣдствіе частичныхъ несовершенствъ государственнаго и соціальнаго устроенія или только какъ результатъ организованныхъ движеній крайнихъ партій,“ „истинно-русскими людьми“ объявляется „дѣломъ враговъ отечества“,—„враговъ всего истинно-русскаго.“

Враги разсѣяны по всей Руси. Кто они, еще хитро умалчиваетъ первый анонимный составитель прокламаціи къ русскимъ людямъ, но ему уже доподлинно извѣстно, что эти „враги собрали деньги и подкупаютъ русскихъ измѣнниковъ“. *)

Враги—всѣ тѣ, кто свободу предпочитаетъ неволѣ, кто требуетъ автономіи для Польши, Кавказа, Малороссіи и т. д., кто желаетъ равноправія всѣхъ гражданъ Россіи. Раздается призывъ къ сплоченію всѣхъ „истинно-русскихъ людей“, которые должны спокойно собраться для великаго дѣла устроенія мира на землѣ и образовать изъ своихъ элементовъ Государственную Думу,—Думу, какъ народное учрежденіе, чисто-совѣщательнаго характера. Реакція усиливается съ каждымъ днемъ. Безшабашныя попытки реакціонеровъ не встрѣчаютъ твердаго отпора со стороны правительственной власти. Она если и не покровительствуетъ явно вожделѣніямъ реакціонеровъ, то и не борется съ ними. Рядъ кровавыхъ преступленій проходитъ безнаказанно. Должностныя лица, виновныя въ ясно выраженномъ попустительствѣ и дружбѣ съ реакціонными элементами, не только ускользаютъ отъ суда и слѣдствія, но и получаютъ повышенія по службѣ. Реакціонеры подымаютъ головы. Послѣ московскихъ декабрьскихъ событій они уже открыто выхо-

*) Послѣ разоблаченій кн. Урусова и г. Лопухина мѣсто печатанія этихъ прокламацій и анонимъ ихъ составителя открыты.

дить на арену съ опредѣленнымъ лозунгомъ и направленіемъ.

Исходъ выборовъ въ первую Государственную Думу нанесъ тяжелый ударъ вожделѣніямъ реакціонныхъ группъ. Въ столицахъ и центрахъ онѣ не смогли провести ни одного кандидата. Сторонники реакціи — депутаты „ерогинскаго типа"—считались въ первой Государственной Думѣ единицами. Дѣятельность ихъ на время замираетъ, чтобы вспыхнуть съ новой силой послѣ разгона Думы. Снова подымается усиленная агитація, и снова реакціонеры выставляютъ себя единственными спасителями Россіи.

Въ настоящее время вся Россія раздѣлена на четыре лагеря.

Крайнія лѣвыя партіи требуютъ внезапнаго переворота въ общественномъ строѣ. Такого же переворота домогаются и крайнія правыя. Однѣ идутъ въ сторону демократической республики, другія тянутъ назадъ, къ возстановленію прежняго самодержавія. Дѣятельность однѣхъ признается революціонной со стороны правительства, дѣятельность другихъ считается „патріотической." Однѣ загоняются въ подполье, другія могутъ дѣйствовать легально, подкапывая устои „конституціи 17 октября".

Тогда какъ стоящія въ центрѣ между лѣвыми и правыми партіями—оппозиціонныя партіи („народной свободы" и „демократическихъ реформъ") объявляютъ своей программой „рѣшительный разрывъ съ остатками бюрократическаго режима и признаніе необходимости коренныхъ преобразованій не только политическихъ, но и соціальныхъ", выставляя знамя борьбы за парламентарную монархію, охранительныя партіи считаютъ всякую борьбу уже оконченной. Обѣщанія 17 октября 1905 г. охранительнымъ партіямъ уже кажутся претворенными въ жизнь, и вмѣсто разрыва съ остатками бюрократическаго режима онѣ готовы подать (и подаютъ) руку

тому же самому бюрократическому правительству. Программа наиболѣе „либеральной" изъ охранительныхъ партій призываетъ оказать содѣйствіе правительству, „идущему по пути спасительныхъ реформъ, направленныхъ къ полному и всестороннему обновленію государственнаго и общественнаго строя Россіи". *)

Къ такому же содѣйствію призывала группа „мирнаго обновленія" послѣ разгона Государственной Думы—къ содѣйствію кабинету г. Столыпина.

II.

Корень всѣхъ волненій охранительныя партіи видятъ въ неправильномъ пониманіи манифеста 17 октября и предстоящихъ реформъ, съ одной стороны, и въ неумѣренныхъ требованіяхъ радикальныхъ партій—съ другой (умѣренно-прогрессивная партія).

Правительства Горемыкина, Дурново и затѣмъ Столыпина неизмѣнно пользовались полной поддержкой охранительныхъ партій; ихъ лидеры всегда стремились оправдать дѣйствія правительства, базируясь на полученной 17-го октября конституціи и закрывая глаза на антиконституціонныя дѣйствія того же самаго правительства.

Охранительныя партіи въ то же время заявляютъ, что онѣ всечасно готовы содѣйствовать установленію на Руси незыблемаго правового порядка и обезпеченію мирнаго, безпрепятственнаго развитія производительныхъ ея силъ для блага и счастія всего россійскаго населенія. Однако, незыблемый правовой порядокъ до сихъ поръ не установленъ, и партіи союза 17 октября, въ лицѣ лидера А. Гучкова, остается лишь привѣтствовать сильную власть, считая закономѣрными всѣ ея дѣянія вплоть до введенія военно-полевыхъ судовъ.

---

*) Союзъ 17 октября.

Всѣ наши охранительныя партіи прежде всего отличаются расплывчатостью своихъ программъ. Признавая правовой строй, какъ основу новаго порядка, умѣренные прогрессисты выставляютъ своимъ девизомъ: „Россія едина и недѣлима". Это—общій лозунгъ умѣренныхъ прогрессистовъ, народохозяйственной партіи, всероссійскаго торговаго промышленнаго союза", союза 17 октября, партіи правового порядка и царистовъ-конституціоналистовъ.

Если умѣренно-прогресивная партія, являющаяся крайней изъ партій центра, стоитъ еще за широкія права самоуправляющихся общинъ, которыя должны распространиться на все государство, то въ программѣ народно-хозяйственной партіи дѣлается оговорка, что всѣмъ областямъ принадлежитъ свобода хозяйственнаго благосостоянія „во всемъ, что не противорѣчитъ нераздѣльному единству русскаго государства". Это „все" слишкомъ растяжимо и неясно.

Союзъ 17-го октября стоитъ за широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія при участіи равно всѣхъ русскихъ гражданъ безъ различія національности и вѣроисповѣданія. Но уже партія правового порядка отмѣчаетъ свою дѣятельность узкимъ націонализмомъ. „Хозяинъ въ Россіи долженъ быть исконный русскій"—возвѣщаетъ обновленная программа партіи правового порядка, принятая 30 сент. 1906 г. на соединенномъ засѣданіи всѣхъ петербургскихъ комитетовъ партіи („Новое Время" отъ 1 окт. 1906 г.).

Партія признаетъ за инородцами право на широкое мѣстное управленіе, но ставитъ непремѣннымъ условіемъ своей программы одинъ для всѣхъ гражданъ въ Россіи государственный языкъ, на котодомъ должно вестись преподаваніе въ государственной школѣ.

Далѣе, признавая свободу совѣсти и религіи всѣхъ гражданъ, п. п. п. считаетъ необ-

ходимымъ, чтобы православная церковь была государственной.

Изъ инородцевъ выключаются евреи.

Партія отрицаетъ за евреями всѣ права (пріобрѣтеніе и покупку земель, право на государственную и общественную службу, неограниченнаго поступленія въ государственную школу). Еврейскій вопросъ, тяжелымъ кошмаромъ гнетущій Россію, партія пр. п. будетъ рѣшать въ полномъ объемѣ лишь тогда, „когда будутъ удовлетворены всѣ острыя нужды исконнаго населенія".

Партія п. п. считаетъ себя, однако, конституціонной партіей, требуя гарантій свободы слова, собраній, союзовъ, вѣроисповѣданій и личности. Для полнаго огражденія правового порядка государствомъ необходимо, по мнѣнію п. п. п.

1) Единство и недѣлимость Россіи, 2) сильная государственная власть, 3) устройство крестьянъ и рабочихъ, 4) народное просвѣщеніе и 5) усовершенствованіе военныхъ силъ Россіи.

III.

Охранительныя партіи основу своихъ программъ базируютъ на манифестѣ 17 октября. Онѣ считаютъ, что въ этотъ день старая самодержавная Россія умерла, и возродилась для жизни Россія конституціонная.

Обѣщанія манифеста о дарованіи населенію гражданской свободы охранительныя партіи принимаютъ за совершившійся фактъ.

„Манифестъ 17 октября, —говоритъ программа „Союза 17 октября", — знаменуетъ собою величайшій переворотъ въ судьбахъ нашего отечества: отнынѣ народъ нашъ становится народомъ—политически свободнымъ, наше государство—правовымъ государствомъ, а въ нашъ государственный строй вводится новое начало—начало конституціонной монархіи".

Умѣренно-прогрессивная партія называетъ день 17 октября великимъ и историческимъ. Въ этотъ день, по взгляду партіи, „весь русскій народъ получилъ духовную и гражданскую свободу а также неприкосновенность своей личности и жилища“.

Партія правового порядка признаетъ, что гарантіи, требуемыя правовымъ порядкомъ для лица, „получили освященіе въ Высочайшемъ манифестѣ отъ 17 октября 1905 года“.

Русскій народническій всесословный союзъ признаетъ за манифестомъ источникъ „вольностей, дарованныхъ русскому народу“.

Монархисты-конституціоналисты считаютъ 17 октября „зарею конституціонализма.“

Всѣ эти партіи, а также „всероссійскій торгово-промышленный союзъ,„народо-хозяйственная“ и „прогрессивно-экономическая“ партія—составляющія правыя политическія партіи—признаютъ, прежде всего, что 17 октября явилось первымъ днемъ конституціонной Россіи, что самодержавный строй замѣненъ отнынѣ въ странѣ правовымъ.

О томъ, что самодержавіе въ Россіи умерло безвозвратно, для этихъ партій нѣтъ вопроса. Онѣ являются охранительницами новаго, еще не существующаго фактически строя, и въ этомъ трагизмъ ихъ положенія. Онѣ во что бы то ни стало стремятся „охранять“ то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, что еще не создано.

Группа*) „мирнаго обновленія“, образовавшаяся послѣ роспуска Думы, довольно неудачно взялась за „обновленіе“ безъ борьбы. Отрицая необходимость борьбы съ антиконституціонными проявленіями „конституціоннаго правительства, она не признавала необходимости оппозиціи. Отписка октябристовъ нахо-

---

*) Не слѣдуетъ смѣшивать съ образовавшейся позже партіей мирнаго обновленія.

дать, что при существованіи у насъ конституціи можно бороться только парламентарнымъ путемъ. Закрывая глаза на происходящее: военно-полевые суды, казни, разстрѣлы, карательныя экспедиціи, чрезвычайныя и иныя охраны, „охранители" строятъ химерическіе замки въ своихъ строго-конституціонныхъ, увы! только мечтаніяхъ.

Если октябристы, прошедшіе въ незначительномъ числѣ въ первую Думу, отказались тамъ отъ голосованія за адресъ Думы Государю, въ которомъ настоятельно подчеркивались необходимость полной амнистіи и отмѣна смертной казни, то тѣ же октябристы, въ конечномъ эпилогѣ дѣятельности Государственной Думы выступили отдѣльно отъ прочихъ членовъ, выпустивъ свое контръ-воззваніе.

Принципіальные враги всякаго насилія, наши „охранители" вполнѣ примѣняютъ толстовскій девизъ непротивленія злу. Они находятъ его и въ реакціонныхъ дѣйствіяхъ правительства, и въ революціонной пропагандѣ крайнихъ партій, но безсильны устранить это зло, потому что партія всего меньше ищетъ борьбы и всего болѣе мирнаго спокойствія; находясь въ роли созерцательницы кровавыхъ событій, партія не способна къ активному выступленію. У оппозиціонныхъ партій не можетъ быть союза съ охранителями, ибо, гдѣ кончается правда для однихъ, тамъ для октябристовъ еще не начинается ложь... Конституціонная форма для нихъ дороже содержанія. Вотъ почему у октябристовъ можетъ быть болѣе общаго съ правящимъ министерствомъ, чѣмъ съ оппозиціей.

Опубликованная программа мирнообновленцевъ значительно лѣвѣе программы октябристовъ. Составляя, такъ сказать, правое крыло оппозиціи, партія мирнаго обновленія стоитъ за министерство, отвѣтственное предъ народнымъ представительствомъ. Она признаетъ систему всеобщаго голосованія при

выборахъ во 2-ю Думу, по отстаиваетъ прямые выборы лишь въ городахъ и двустепенные въ остальныхъ мѣстностяхъ.

Противники „крайнихъ мѣръ“, мирнообновленцы въ аграрной программѣ, однако, признаютъ необходимость обращенія земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, церковныхъ и монастырскихъ въ пользу трудящагося населенія. Допускаетъ программа и принудительное отчужденіе, но не иначе, какъ въ слѣдующей постепенности:

а) Земли черезполосныя или мѣшающія хозяйственной цѣльности владѣній.

б) Земли, заявленныя ихъ владѣльцами въ продажу.

в) Земли, обычно сдаваемыя въ аренду земледѣльческому населенію, обрабатывающему землю личнымъ трудомъ, отчужденіе коихъ не вноситъ черезполосицы и не нарушаетъ хозяйственной цѣльности владѣній.

г) Земли, могущія имѣть хозяйственное значеніе, но не обрабатываемыя.

д) Крупныя земельныя владѣнія (латифундіи) въ части, превышающей извѣстный размѣръ хозяйства, опредѣляемый въ каждой мѣстности отдѣльно и утверждаемый законодательнымъ порядкомъ.

Однако, значеніе каждой партіи опредѣляется не только одной программой, но и тактикой.

Лидеръ союза 17-го октября, А. Гучковъ, въ своемъ, столь нашумѣвшемъ письмѣ князю Е. Н. Трубецкому, оправдывая дѣйствія правительства, заявилъ, что „участіе народнаго представительства въ осуществленіи государственной власти считаетъ настолько благотворнымъ и прочнымъ пріобрѣтеніемъ, что никакая человѣческая воля не въ состояніи вычеркнуть его изъ нашей политической жизни“.

IV.

Совсѣмъ на иной позиціи стоитъ рядъ партій, присвоившихъ себѣ сугубо „патріотическія“ и „истинно-русскія“ наименованія. Эти революціонеры справа исповѣдуютъ принципъ, что Россія погружена въ волны анархіи, и что истинный порядокъ водворится лишь путемъ новаго государственнаго переворота—возвращенія къ старымъ формамъ.

Если „отечественный союзъ“ еще робко заявляетъ себя сторонникомъ конституціонныхъ формъ, но противникомъ парламентаризма, то отпрыскъ прошлаго, „русское собраніе“, цитируя слова Александра III, возвѣщаетъ, что „гласъ Божій повелѣваетъ намъ стать бодро на дѣло правленья съ вѣрою въ истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній“.

Слова, смыслъ которыхъ вполнѣ понятенъ въ устахъ носителя идеи самодержавія, совершенно непонятны со стороны г.г. членовъ „русскаго собранія“, такъ какъ гласъ Божій менѣе всего призывалъ ихъ „стать бодро на дѣло правленія“, еще меньше призывались они для утвержденія и охраненія самодержавія, возвѣстившаго въ лицѣ Императора о своей непреклонной волѣ даровать населенію начала иной жизни.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на обѣщанія, принимаемыя охранительными партіями за нѣчто уже совершившееся, реакціонная партія „русскаго собранія“ заявляетъ, что она считаетъ самодержавіе на Руси не отмѣненнымъ.

Оно, по заявленію „русскаго собранія“ избирателямъ въ первую Государственную Думу, „продолжаетъ существовать на Руси и при новыхъ порядкахъ“.

Думѣ, по объясненію, не нашедшему отзвука

въ сердцахъ избирателей, принадлежитъ только дѣловая разработка и обсужденіе законодательныхъ предположеній и дѣловой же надзоръ за дѣйствіями исполнительныхъ властей.

Царское самодержавіе, по программѣ „русскаго собранія“, должно основываться на постоянномъ единеніи Царя съ народомъ.

Какимъ образомъ должно установиться это единеніе, программа умалчиваетъ, умалчиваетъ и специфическая литература, издаваемая собраніемъ, выставившимъ на своемъ знамени старый реакціонный лозунгъ: „православі-, самодержавіе и народность“.

Союзъ русскаго народа „убѣжденно исповѣдуя, что благо родины—въ самодержавномъ единеніи Русскаго царя съ народомъ, даетъ болѣе опредѣленную форму расплывчатымъ идеаламъ своимъ и „русскаго собранія“.

„Союзъ“ отмѣчаетъ, что „современный бюрократическій строй, заслонившій свѣтлую личность Царя отъ народа и присвоившій себѣ часть правъ, составляющихъ исконную принадлежность русской самодержавной власти, привелъ отечество наше къ тяжелымъ бѣдствіямъ и потому подлежитъ коренному измѣненію; при этомъ союзъ твердо устанавливаетъ, что измѣненіе дѣйствующаго строя должно совершаться отнюдь не проведеніемъ ограничительныхъ началъ въ формѣ какихъ бы то ни было конституціонныхъ или вообще учредительныхъ собраній, но лишь путемъ учрежденія Государственной Думы, какъ органа, являющаго изъ себя созданіе непосредственной связи между державною волею Царя и правосознаніемъ народа“ *).

Отношеніе къ манифесту 17-го октября и

---

*) Уставъ партіи, утвержденный правительствомъ, напечатанъ на столбцахъ „Правительственнаго Вѣстника“ въ полномъ видѣ. См. „Прав. Вѣст.“ 14 авг. 1906 г.

взгляды „русскаго собранія“ опредѣляются заявленіемъ въ своемъ органѣ. Приводимъ это заявленіе in extenso:

„Русское собраніе, во 1) „съ безпредѣльной благодарностью“ принимаетъ дарованныя этимъ манифестомъ „милости“, 2) воля Государя Императора заключалась въ предоставленіи Думѣ законодательной дѣятельности, 3) манифестъ 17-го октября выражаетъ „недовѣріе Государя Императора къ прежнимъ его совѣтникамъ“, вслѣдствіе чего Его Величеству благоугодно управлять страною при широкомъ содѣйствіи народныхъ представителей, и 4) самодержавный Царь „не тождественъ съ правительствомъ, и послѣднее несетъ на себѣ отвѣтственность за всякую политику, вредную православію, царскому самодержавію и русскому народу“, и что задача Думы—дѣловой надзоръ за дѣйствіями исполнительной власти“.

Общій же смыслъ заключается въ томъ, что, несмотря на все вышеизложенное, Царь остался Самодержцемъ.

Конечно, послѣдній взглядъ можетъ оспариваться, можно доказывать, что „русское собраніе“ ошибается въ толкованіи манифеста 17-го октября, но нельзя, оставаясь честнымъ, увѣрять общество и доносить по начальству, что „русское собраніе“ не желаетъ законодательной Думы, что оно стоитъ за прежній бюрократическій строй, что оно не признаетъ манифеста 17-го октября и идетъ противъ ясно выраженной царской воли“. („Вѣстникъ Русскаго Собранія“ № 1 отъ 27 января 1906 г.).

Созванный въ февралѣ 1906 г. „всероссійскій союзъ русскаго собранія“ имѣлъ цѣлью „объединить подъ руководствомъ совѣта всѣ отдѣлы собранія и выяснить, какъ силы союзниковъ и адептовъ, такъ и отношеніе къ другимъ партіямъ и организаціямъ“.

На съѣздѣ была принята программа собра-

нія, сводившаяся въ краткихъ чертахъ къ приведеннымъ выше положеніямъ.

Съѣздъ закончился „присутствіемъ всѣхъ участниковъ“ на „торжественномъ собраніи“ въ Михайловскомъ манежѣ, — созванномъ „спеціально для ознакомленія участниковъ съѣзда съ дружественной „русскому собранію“ организаціей — „союзомъ русскаго народа“.

Послѣдній, считая въ рядахъ своихъ вождей главныхъ дѣятелей и членовъ совѣта „русскаго собранія“, въ сущности, является ничѣмъ инымъ, какъ черной половиной „русскаго собранія“. Въ то время, какъ на дворянской половинѣ происходятъ товарищескіе обѣды, вечера, и чтенія рефератовъ и чествованія дорогой памяти „безвременно скончавшагося одного изъ созидателей собранія, В. Л. Величко“, на черной половинѣ, въ чайныхъ союза русскаго народа идетъ агитаціонная дѣятельность среди простого люда.

Результаты первыхъ выборовъ въ Государственную Думу явились крайне печальными для совмѣстной выборной кампаніи „русскаго собранія“ съ союзомъ русскаго народа. Не могли помочь успѣху и единомышленные партіи и союзы, объ успѣхѣ пропаганды которыхъ сообщалось столько въ „единомышленныхъ“ же газетахъ. На такой же полный неуспѣхъ обречена и литература партій и собственные ихъ органы въ видѣ „Русскаго Знамени“, „Московскихъ Вѣдомостей“ и т. п.

Многочисленность развѣтвленій обусловливается не столько многочисленностью ихъ членовъ, насчитывающихъ, напримѣръ, въ Архангельскѣ лишь трехъ человѣкъ, сколько желаніемъ „руководителей“ имѣть въ каждомъ россійскомъ градѣ свои организаціи. При этомъ рожденіе этихъ „родственныхъ организацій“ „русскаго собранія“ привѣтствуется послѣднимъ шумихой телеграммъ, рѣчей и тостовъ.

Образовавшаяся партія „народни-

ковъ" объявила себя солидарной съ союзомъ русскаго народа.

Программа союза русскаго народа, по мнѣнію „народниковъ", не такъ ужъ реакціонна, какъ о ней толкуютъ („Голосъ Правды" № 283).

„Мы,—говоритъ органъ новоявленной партіи,—наканунѣ ожесточенной выборной схватки съ преступными политическими партіями: ка-детами, соціалъ-демократами, революціонерами всѣхъ оттѣнковъ. Мы предлагаемъ на время позабыть всѣ программныя разногласія и сплотиться всѣмъ тѣмъ политическимъ партіямъ, которыя одухотворены идеей русской національности и видятъ исходъ изъ критическаго положенія въ возстановленіи могущества и дальнѣйшемъ процвѣтаніи Россіи только подъ управленіемъ любимаго народомъ Монарха.

„Не слѣдуетъ забывать, что мы только впервые собираемся приступить къ законодательной дѣятельности, а потому у насъ не хватаетъ достаточнаго практическаго опыта, чтобы наши программы могли бы явиться чѣмъ-то законченнымъ. Если мы дѣйствительно искренно проникнуты идеей внести миръ въ наше отечество и помочь русскому народу выбраться изъ той ужасной нищеты, въ которой оно находится, то, конечно, мы сумѣемъ въ Думѣ столковаться и выработаемъ для этого сообща не только политическую программу, но сумѣемъ внести въ жизнь новые благотворные законы.

„Царь и націонализмъ, въ этомъ гарантія плодотворной дѣятельности будущей Думы, а слѣдовательно—благо Россіи".

Однако, союзъ русскаго народа въ припадкѣ обуявшей его гордыни отнюдь не желаетъ считать себя только партіей. Въ „Русскомъ Знамени", лейбъ-органѣ союза русскаго народа, (№ 254), торжественно заявляется,

что союзъ русскаго народа не есть партія, а самъ русскій народъ, который хочетъ, чтобы Россіей управлялъ русскій царь, опираясь на народъ, а не на партіи". Даже г. Меньшиковъ изъ „Новаго Времени" довольно мѣтко охарактеризовалъ подобныя домоганія истинно-русскихъ людей, назвавъ партію „партіей правового безпорядка".

Патріотизмъ, узко понятый, заставляетъ „отечественный союзъ" не допускать мысли, чтобы народъ, „вынесшій на своихъ плечахъ всю тяжесть созданія и объединенія русскаго государства, могъ быть сравненъ въ правахъ съ инородцами. „Русской народности подобаетъ всеподчиняющая сила; но каждой народности да будетъ свобода во всемъ, что этому подчиненію не препятствуетъ",—возглашаетъ союзъ.

Тотъ же лозунгъ проводится еще болѣе рельефно истинно-русскими людьми изъ союза русскаго народа, ставящаго себѣ цѣлью „развитіе національнаго русскаго самосознанія и прочное объединеніе русскихъ людей всѣхъ сословій и состояній для общей работы на пользу отечеству,—Россіи единой и недѣлимой".

Сохраненіе единства и недѣлимости Россіи реакціонныя партіи видятъ въ установленіи самодержавія, которое, по ихъ мнѣнію, манифестомъ 17-го октября 1905 года въ Россіи вовсе не отмѣнено. Для этихъ партій, поддерживающихъ незыблемость тріединой россійской формулы, „самодержавіе, православіе и народность"—все спасеніе Россіи заключается въ возвращеніи къ прошлому.

„Сознаніе необходимости самодержавія,—вѣщаетъ программа „отечественнаго союза", —несомнѣнно жива въ русскомъ народѣ, въ глазахъ котораго эта форма правленія является единственно совершенной и благотворной. „Русское собраніе" въ самодержавіи видитъ главный залогъ исполненія Россіей ея призванія всемірнаго христіанства, и залогъ

внѣшняго государственнаго могущества и внутренняго единства въ Россіи".

Въ державномъ единеніи Царя съ народомъ союзъ русскаго народа усматриваетъ единственное благо родины.

Государственная Дума, отрицаемая въ корнѣ въ началѣ „дѣйствія" партіи монархистовъ, признается въ настоящее время даже собраніемъ главныхъ реакціонеровъ, но не иначе, какъ въ качествѣ совѣщательнаго учрежденія при неограниченномъ Монархѣ.

Дума лишь призвана, по мнѣнію программъ русскаго собранія, для выполненія задачъ дѣловой разработки и ожиданія законодательныхъ предположеній, и для дѣлового надзора за дѣйствіями исполнительныхъ властей. „Государственная Дума,—говоритъ уставъ союза русскаго народа,—лишь откликъ, являющійся изъ себя. Она, состоя въ непосредственной связи между державною волею Царя и передъ лицомъ народа, должна б.ть національно-русской, на подобіе ст р.хъ земскихъ соборовъ; она обязана правдивымъ освѣдомленіемъ о дѣйствительныхъ нуждахъ народа и государства помогать законодателю въ его управленіи государствомъ".

V.

Въ то время, какъ охранительныя партіи признаютъ полную свободу совѣсти, реакціонныя требуютъ сохраненія господствующаго положенія. Русской народности также отводится первенствующее значеніе въ государственной жизни и государственномъ строительствѣ. Хотя на дѣлѣ союзъ русскаго народа считаетъ нужнымъ прибавить къ своей программѣ, что всѣ подданные Государства Россійскаго объединяются прочнымъ стремленіемъ „къ неуклонному поддержанію величія Россіи и, преимущественно, кровной русской народности,—не иначе, какъ на строгихъ началахъ законности, дабы

всѣ инородцы считали за честь и за благо принадлежать къ составу Русской Имперіи и не тяготились бы своею зависимостью.

Послѣдній пунктъ программы какъ-то мало вяжется съ тою дѣятельностью союза, которая ознаменовалась рядомъ отступленій отъ строгихъ „началъ законности", къ малой чести истинно-русскихъ людей.

Какъ охранительныя, такъ и реакціонныя партіи одинаково признаютъ, что крайнее зло Россіи—ея бюрократическій строй, который долженъ быть неминуемо свергнутъ.

Союзъ русскаго народа заявляетъ, что современный бюрократическій строй „привелъ отечество наше къ тяжелымъ бѣдствіямъ и потому подлежитъ коренному измѣненію.

Въ настоящее время частью дѣйствуютъ, частью значатся дѣйствующими лишь на бумагѣ *) болѣе двадцати партій и союзовъ, обществъ и братствъ реакціоннаго лагеря:

1) Охранительная партія.
2) Монархическая партія.
3) Русское братство.
4) Русское собраніе.
5) Союзъ русскихъ людей.
6) Союзъ русскаго народа.
7) Лига патріотовъ.
8) Патріотическая лига.
9) Общество націоналистовъ.
10) Партія русскаго вѣча.
11) Партія Минина и Пожарскаго.
12) Партія народнаго центра.
13) Партія активной борьбы съ революціей и анархіей.
14) Народо-хозяйственная партія.
15) Общество хоругвеносцевъ.
16) Партія честныхъ патріотовъ и борцовъ за родину.
17) Союзъ русскихъ патріотовъ.
18) Союзъ бѣлаго знамени.

---

*) См. „Столичная почта" № 9.

19) Союзъ соборнаго начала и свободнаго труда.

20) Союзъ возрожденія церковно-общественной жизни и обновленія.

21) Союзъ за Царя и народъ.

22) Союзъ за Царя и порядокъ.

23) Братство свободы и порядка.

24) Всероссійская отечественная партія.

25) Общество законности и порядка.

Основными чертами всѣхъ этихъ существующихъ въ зародышѣ или уже вполнѣ обозначившихся организацій является прежде всего девизъ: „Россія для русскихъ". Всѣ они исповѣдують тріединую формулу оффиціальной народности, возвѣщенную еще въ сороковыхъ годахъ: „самодержавіе, православіе и народность".

Всѣ эти организаціи варьирують программу „русскаго собранія", съ большей или меньшей откровенностью выставляя на показъ свои человѣконенавистническіе инстинкты, якобы свойственные истинно русскимъ людямъ. Такъ, напр.: „патріотическое христіанское общество за Царя и отечество" ставитъ себѣ цѣлью: возстать грудью противъ еврейскаго революціоннаго движенія въ защиту Самодержавнаго Государя Императора. „Союзъ за Царя и порядокъ", базируется якобы на основахъ 17 октября, „исконныхъ уставахъ русской исторіи и на точной связи со всѣмъ прошлымъ государственной жизни". „Народно-монархическая" партія задается цѣлью „поддерживать въ народѣ искони присущія ему чувства: преданности Престолу, преданности Святой Православной Церкви и вѣру въ то, что лишь единая недѣлимая Россія съ Самодержавнымъ Вѣнценоснымъ Вождемъ во главѣ и на основѣ Высочайшаго манифеста 17 октября 1905 г. можетъ охранять народъ отъ иноземныхъ нашествій, грозящихъ ему въ будущемъ порабощеніемъ". Возсоздать и строить русскую жизнь на старыхъ началахъ соборности, какъ „на

единственно незыблемомъ основаніи" стремится и общество „Соборной Россіи".

Свободный строй Земли Русской и свободный въ ней трудъ объявляются лозунгомъ Общества. Въ отличіе отъ „истинно-русскихъ" организацій „Соборная Россія" вовсетъ подъ свою сѣнь „всѣхъ соотечественниковъ, не только людей русскихъ и христіанъ, но и иноплеменныхъ и иновѣрныхъ". „Соборное православное христіанство настолько любвеобильно и широко, что подъ его благодатнымъ вліяніемъ и кровомъ никому не будетъ тѣсноты и обиды". Отношеніе „Союза" къ манифесту 17 октября оригинально:

Требуя свободы самоуправляющейся соборной церкви, свободы государства и народа, „Союзъ" въ лицѣ верховной власти ставитъ „православнаго, наслѣдственнаго, утвержденнаго Великимъ Земскимъ и Церковнымъ Соборомъ Государя, Великаго Князя и Царя"

Идеалъ „Союза"—образованіе всеславянскаго союзнаго государства.

„Союзъ" готовъ къ тому, что и новая (съ нетерпѣніемъ имъ ожидаемая) вторая Дума не принесетъ желаннаго порядка и успокоенія, и призываетъ готовыхъ „во всеоружіи вѣры, мысли и знанія явиться на великій церковный соборъ для устроенія въ нашей русской землѣ государства и общественной жизни на исконныхъ и вѣковыхъ основахъ правды Христовой".

Идею о созывѣ учредительнаго собранія проповѣдуетъ и такой крайній реакціонеръ, какъ Л. Тихомировъ. Возстановленіе неограниченнаго самодержавія путемъ созыва учредительнаго собранія не разъ уже высказывалась обиняками со стороны крайнихъ правыхъ. Г. Тихомировъ выразилъ это въ „Новомъ Времени" также далеко не ясно. Потребовались комментаріи. „Искреннему абсолютисту" возражалъ „истинный конституціоналистъ" г. Меньшиковъ, напомнившій, что верховная

власть въ Россіи не отмѣнена, но лишь ограничена.

Г. Тихомировъ не замедлилъ отвѣтомъ. Началъ онъ съ заявленія, что онъ „вовсе не абсолютистъ, но всѣми силами борется противъ абсолютизма,“ считая народное представительство въ Россіи необходимостью. Онъ лишь защищалъ и защищаетъ снова одно положеніе: въ Россіи сейчасъ нѣтъ ясной верховной власти, поэтому, по мнѣнію г. Тихомирова, всѣ реформы являются „постройкой безъ фундамента“. Ясную верховную власть необходимо создать путемъ обращенія къ народу и созыва учредительнаго собранія.

Итакъ, „ясной верховной власти“, по убѣжденію одного изъ главарей монархической партіи, нѣтъ въ настоящее время въ Россіи:

„Слово это упоминается закономъ, но содержанія (курсивъ г. Тихомирова), свойственнаго верховной власти, не дано никому. Законодательная власть у насъ принадлежитъ двумъ палатамъ и монарху на правахъ равенства. Можно было бы посему усмотрѣть верховную власть въ этомъ трехчленномъ учрежденіи, построенномъ въ видѣ парламента. Однако, парламенту этому не дано власти надъ исполнительными учрежденіями, каковая присвоена исключительно монарху. Итакъ, парламентъ ограниченъ въ однихъ правахъ, монархъ—въ другихъ, и кому принадлежитъ „полнота власти“—неизвѣстно. Если сказать, что народу, то народъ не получилъ никакого органа для функцій верховной власти, ибо его депутаты въ Государственной Думѣ ея не получили.“

Дѣйствительно, прежнее неограниченное самодержавіе, ясное для всѣхъ и отмѣненное политической реформой, замѣнилось той самодержавной конституціей, въ понятія о которой каждая партія стремится вложить свое содержаніе.

Въ то время, какъ монархическія партіи, пользующіяся покровительствомъ правитель-

ства, заявляютъ, что самодержавіе осталось попрежнему незыблемой основой русской государственности, самъ премьеръ-министръ, г. Столыпинъ, отвѣчаетъ французскому корреспонденту г. Подо, что нашъ строй конституціонный, а не парламентарный.

VI.

Въ чемъ же конкретное содержаніе русской конституціи?

На вопросъ того же г. Подо, что именно правительство считаетъ актами конституціонно-допустимыми и что входитъ въ сферу явленій революціонныхъ, г. Столыпинъ отвѣтилъ:

—На этотъ вопросъ трудно дать опредѣленный отвѣтъ. Во всякомъ случаѣ, привилегіи Короны и основные законы должны уважаться. Законодательная власть должна быть строго отграничена отъ исполнительной.

Вслѣдствіе такой „трудности отвѣта“ со стороны кабинета получается рядъ странныхъ противорѣчій. Оппозиціоннымъ партіямъ и даже охранительнымъ отказываютъ въ легализаціи, а явно революціонно настроенныя правыя партіи находятъ поддержку со стороны „безпартійнаго правительства“.

На привѣтственную телеграмму кіевскаго съѣзда монархическихъ партій премьеръ-министръ отвѣчаетъ привѣтственной телеграммой.

23 сентября, по приказанію министра, департаментъ общихъ дѣлъ увѣдомляетъ совѣтъ союза русскаго народа, что департаментомъ „циркулярно разъяснено губернаторамъ о порядкѣ открытія отдѣленій зарегистрированными обществами на основаніи ст. 32. отд. I, закона 4 марта сего года, о союзахъ и обществахъ, по смыслу которой зарегистрированное общество свободно открываетъ отдѣленія, заявляя лишь немедленно объ открытіи или закрытіи отдѣленій губернато-

ру, градоначальнику или начальнику мѣстной полиціи по мѣсту регистраціи самого общества".

На основаніи этого товарищъ предсѣдателя с. р. н., г. Пуришкевичъ, объявляетъ „что въ случаѣ притѣсненій отдѣловъ, работающихъ въ духѣ утвержденнаго устава союза, мѣстной администраціей, предсѣдатели отдѣловъ благоволятъ немедленно обращаться съ жалобами въ главный совѣтъ союза, который тотчасъ же будетъ принимать мѣры къ обузданію административнаго произвола лицъ, стѣсняющихъ мирную и просвѣтительную (?!) работу того или другого отдѣла союза." („Р. З", №255.)

Кіевскій съѣздъ еще болѣе окрылилъ рвеніе „истинно-русскихъ людей", явившись объединеніемъ для всѣхъ монархическихъ союзовъ въ Россіи. На съѣздѣ былъ организованъ центральный исполнительный органъ или „главная управа объединеннаго русскаго народа", выбираемая отъ съѣзда до съѣзда.

Въ кругъ дѣятельности „главной управы" входятъ:

а) Устройство всероссійскихъ съѣздовъ и съѣздовъ представителей областныхъ отдѣловъ по соглашенію съ управами тѣхъ мѣстностей, гдѣ созываются съѣзды, и при ихъ содѣйствіи.

б) Устройство всероссійскихъ молебновъ, манифестацій, собраній, отправленій депутацій, адресовъ, телеграммъ.

в) Устройство бюро печати и патріотической литературы, изданіе книгъ, брошюръ, листковъ, періодическихъ органовъ и распространеніе таковыхъ среди народа.

г) Подготовка народныхъ ходоковъ для распространенія среди народа правильныхъ взглядовъ на текущія событія и для устройства мѣстныхъ монархическихъ союзовъ.

д) Разработка предвыборныхъ воззваній, программъ, тактическихъ пріемовъ и веденіе предвыборной борьбы.

„Главная управа“, служащая центромъ объединенія монархическихъ организацій всѣхъ видовъ и наименованій, оказываетъ имъ посильную поддержку въ ихъ дѣятельности. Для достиженія же возможнаго единообразія патріотическихъ организацій „главная управа“, открывая по своему почину новыя мѣстныя общества, кладетъ въ ихъ основаніе уставъ и программу союза русскаго народа, если только по мѣстнымъ условіямъ не окажется болѣе полезнымъ открыть организацію иного вида.

Въ видахъ болѣе тѣснаго объединенія мѣстныхъ организацій учреждаются въ всей Россійской Имперіи областные центры (Московскій, Харьковскій, Астраханскій и т. д.) подъ именемъ отдѣловъ объединеннаго русскаго народа. Вокругъ этихъ центровъ сосредоточиваются отдѣлы мѣстныхъ союзовъ, которымъ предоставляется право примкнуть, сообразно съ мѣстными условіями, къ тому или иному областному центру. Такихъ центровъ намѣчается пока 28.

Осуществленіе всего этого плана организаціи областныхъ центровъ и установленіе сношеній ихъ съ „главною управою“ возлагается на обязанность послѣдней.

Во главѣ каждаго мѣстнаго отдѣла объединеннаго „русскаго народа“ стоитъ „областная управа“, въ составъ которой входятъ уполномоченные отъ мѣстныхъ монархическихъ союзовъ.

Для обсужденія назрѣвшихъ вопросовъ въ дѣятельности монархическихъ организацій устраиваются съѣзды таковыхъ.

Съѣзды эти могутъ быть: а) областные, б) между-областные, в) всероссійскіе и г) съѣзды предсѣдателей или уполномоченныхъ областныхъ управъ *).

Крайне характерно, что на кіевскомъ съѣздѣ было признано, что выработка общей по-

*) Цитирую по петербургскому „Колоколу“ № 220, 1906 г.

литической программы преждевременно, „дабы не нарушить свободы отдѣльныхъ союзовъ, уже выработавшихъ свои программы.

Наиболѣе цѣлесообразной, такъ сказать примѣрной, программой признана программа „С. Р. Н.“, которая „должна быть разослана для ознакомленія съ нею всѣмъ единомышленнымъ организаціямъ, въ надеждѣ, что онѣ постепенно сами къ ней присоединятся“.

Признано необходимымъ лишь выработать „предварительное(?!) знамя“ въ видѣ „предвыборной платформы“. По поводу такого знамени, предложеннаго г. Грингмутомъ, другой „истинно-русскій человѣкъ“ г. Энгельгардъ, представилъ обширный докладъ. Съ его перлами знакомитъ дружественный „С. Р. Н.“ „Кіевлянинъ“ (№ 246).

По мнѣнію докладчика, лучшимъ знаменемъ для патріотическихъ союзовъ должны быть извѣстныя слова Государя Императора, въ разное время сказанныя Имъ депутаціямъ этихъ союзовъ. Эти слова поставлены во главѣ программы „русскаго собранія“. Но кромѣ этихъ словъ, которыя поставятъ патріотическіе союзы какъ бы подъ сѣнь Монарха, потому что эти слова не наши, а Царскія, можно помѣстить на знамени нѣсколько такихъ краткихъ и сильныхъ выраженій, о которыхъ говорилъ К. А. Грингмутъ и которыя уже знакомы и пріятны русскому уху:

„Россія для русскихъ!

„За Вѣру, Царя и Отечество!

„За исконныя начала: Православіе, Самодержавіе и Народность!

„Долой революцію!

„Не надо конституціи!

„Царь и Народъ едино!

„За Самодержавіе, ничѣмъ на землѣ не ограничимое!

„Евреямъ равноправія не давать!

„Вотъ эти краткіе клики, выклики русскихъ людей. По условіямъ времени могутъ прибა-

виться и другіе, которыхъ нынче нельзя предвидѣть".

Затѣмъ докладчикъ высказалъ мнѣніе, что все же слѣдуетъ сличать и обсуждать различныя программы и въ особенности программы „русскаго собранія" и союза русскаго народа, и сдѣлалъ общую характеристику этихъ послѣднихъ программъ.

Программа союза русскаго народа, по мнѣнію докладчика, высоко цѣнна своею близостью къ жизни и понятностью для широкихъ массъ. Нѣкоторые отдѣлы разработаны обширно и въ боевой формѣ, какъ, напримѣръ, еврейскій вопросъ. Во всей программѣ чувствуется умѣлая практическая рука, приспособившая ее къ жизни.

Программа „русскаго собранія" цѣнна съ другой стороны. Она составлена спеціалистами, сообщившими ей свой ученый авторитетъ. Въ составленіи ея участвовали выдающіяся лица.

VII.

Начинанія великаго спасителя Земли Русской, Карла-Амалія Грингмута, привѣтствуетъ его же собственная газета „Московскія Вѣдомости".

Подводя итоги дѣятельности кіевскаго съѣзда, „Московскія Вѣдомости", ликуя, говорятъ по адресу своихъ единомышленниковъ:

„Вы „воздвигнули", по словамъ поэта, „теченіе противъ теченія",—и смотрите: ваше русское національное теченіе уже беретъ верхъ надъ теченіемъ революціоннымъ. Вы стойте твердо, не дѣлая ни малѣйшей уступки крамолѣ, и съ каждымъ днемъ вы крѣпните, все тѣснѣе сплачиваясь въ одну всероссійскую громаду, въ тотъ „Объединенный Русскій Народъ", который выйдетъ на страхъ врагамъ изъ нашего Кіевскаго съѣзда.

„А посмотрите, что сдѣлалось за это время съ „срединными" партіями: однѣ—исчезли,

другія—перессорились, третьи—расщепились до мелкихъ единицъ. Даже „всесильныхъ“ кадетовъ постигла та участь, которая ожидает всякую ложь: они тоже раскололись. А мы наоборотъ, крѣпли, идя по пути правды.

„Враги Россіи васъ презирали, а теперь они уже начинаютъ васъ ненавидѣть и страшиться. Правительство васъ игнорировало, а теперь оно уже начинаетъ интересоваться вами, чуя въ васъ силу, на которую оно можетъ твердо опереться. Вы не были Никодимами Русскаго Самодержавія, вы были его Павлами. Оставайтесь же и впредь несокрушимымъ оплотомъ неограниченнаго Самадержавія Русскихъ Царей!“

Въ виду предстоящей выборной кампаніи, съѣздъ, главнымъ образомъ, занялся выборнымъ закономъ.

Истинные патріоты, съ благословенія кіевскаго митрополита и всего освященнаго собора, заявили громогласно, что необходимъ государственный переворотъ: отмѣна прерогативъ Государственной Думы согласно манифесту 17-го октября въ пользу акта 6 августа, т. е. законодательное „русское собраніе“ должно обратиться въ законо-совѣщательное.

„Русскіе люди“ не останавливаются предъ такимъ явно революціоннымъ актомъ.

Исповѣдуя принципъ „Россія для русскихъ“, съѣздъ призналъ необходимымъ, чтобы въ основу новаго выборнаго закона было положено русское національное начало, и чтобы русское населеніе каждой мѣстности Россійской Имперіи, не исключая и окраинъ, имѣло своихъ представителей въ Государственной Думѣ.

Евреи не могутъ пользоваться избирательными правами.

„Въ виду этого новый выборный законъ долженъ быть основанъ на русско-національномъ и сословно-бытовомъ началѣ, причемъ избраніе представителей отъ крестьянъ-землевла

дѣльцевъ должно быть пріурочено не къ волости, а къ приходу".

Съѣздъ закончился отправленіемъ телеграммы Государю Императору слѣдующаго содержанія:

„Повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества Государя Императора сыновнее вѣрноподданническое ходатайство о томъ, не благоугодно-ли будетъ Его Величеству, въ силу принадлежащей Ему Верховной неограниченной власти, повелѣть, дабы до назначенія новыхъ выборовъ въ Государственную Думу былъ изданъ новый выборный законъ на вышеуказанныхъ основаніяхъ и дабы, если снова будетъ созвана Государственная Дума, ей было даровано, согласно манифесту 6 августа, лишь законосовѣщательное значеніе".

Причина вполнѣ понятна. С. Р. Н. объединяющій на словахъ весь русскій народъ, на самомъ дѣлѣ, несмотря на всѣ благопріятныя для него съ внѣшней стороны условія, представляется лишь незначительной кучкой самозванныхъ „патріотовъ" и безсознательныхъ адептовъ.

Московская газета „День"—органъ монархическихъ дружинниковъ, смотритъ мрачно на ближайшее будущее. Она не вѣритъ въ побѣду блока монархической партіи на выборахъ, такъ какъ:

1) на предстоящихъ выборахъ въ Государственную Думу русскіе патріоты будутъ имѣть противъ себя:

а) всѣ іудейскіе капиталы и іудейскую пронырливость,

б) всѣ масонскія (?!) вліянія въ разныхъ слояхъ общества и правительства,

в) избирательный законъ, составленный предателями отечества,

г) вліяніе самого правительства, стремящагося провести въ жизнь „конституцію" по программѣ 17-го октября;

2) при указанныхъ условіяхъ русскимъ патріотамъ, если они не пойдутъ на компро-

миссы, вполнѣ обезпеченъ полный разгромъ на выборахъ, а если войдутъ въ блокъ съ союзомъ 17 октября,*) состоящимъ изъ однихъ лишь кандидатовъ въ министры, предстоитъ вытаскивать каштаны изъ огня для карьеристовъ, которые заискиваютъ въ союзѣ русскаго народа и въ монархической партіи, но въ то же время поощряютъ „великую всемірную лигу" и, въ ожиданіи Думы, исподволь, продавая Россію жидамъ, обезпечиваютъ себѣ энергичную поддержку внутреннихъ предателей и внѣшнихъ враговъ Россіи;

3) новая Дума, образованная изъ октябристовъ, опирающихся на „великую всемірную лигу" и на задобренныхъ жидовъ, съ одной стороны, и изъ наученныхъ опытомъ ка-детъ, съ другой, будетъ если по виду и спокойнѣе, то по существу гораздо опаснѣе первой Думы.

„Ввиду изложеннаго, пора русскимъ людямъ притти къ сознанію необходимости вернуться Россіи на исконный ея историческій путь, на которомъ лишь единственно возможно самобытное и прочное развитіе русской государственности". („День", № 198, отъ 8-го октября 1906 г.).

Что это, какъ не полное сознаніе своего партійнаго безсилія? Самый неуспѣхъ пропаганды „истинно-русскихъ органовъ", требующихъ субсидій и поддержекъ со стороны правительства—не есть-ли явный показатель того, что пустая бочка гремитъ громче полной, именно вслѣдствіе своей пустоты? Сила противопоставляетъ силу, и бояться результатовъ выборовъ могутъ только „союзники", желающіе дѣйствовать впотьмахъ и боящіеся свѣта.

Мирные „охранители" устоевъ 17 октября и предержащаго власть правительства, и тѣ устами „СПБ. Вѣдомостей" обзываютъ кіев-

*) Такой блокъ уже дѣйствительно состоялся.

скій съѣздъ „анекдотическимъ“, его дѣятелей —Репетиловыми.

„Кто борется,—вѣщаетъ оффиціозъ—противъ этой великой задачи (т. е. закрѣпленія въ Россіи конституціоннаго строя,) кто беретъ на себя смѣлость выступать противъ всенародно данныхъ предначертаній Монарха,—тотъ напрасно присваиваетъ себѣ званіе гражданина и спасителя отчизны“.

VIII.

„Монархисты“ изъ партіи „Московскихъ Вѣдомостей“ готовы поддерживать правительство „въ дарованіи тишины и порядка“, но отказываются категорически отъ солидарности съ нимъ и его реформами. Почти одновременно главарь союза р. н., г. Пуришкевичъ, напечаталъ въ „Рѣчи“ открытое письмо, заявляя отъ имени союза р. н., что „послѣдній не имѣлъ и не имѣетъ ничего общаго ни съ министерствомъ Горемыкина, ни съ министерствомъ Столыпина, и не можетъ имѣть съ ними ничего общаго до тѣхъ поръ, пока не вступитъ самъ на конституціонный путь, а на путь этотъ союзъ, смѣло говорю, не вступитъ никогда.“

Однако, преосвященные Алексій, Гермогенъ и от. Іоаннъ изъ Кронштадта „восторженно слѣдятъ за дѣяніями союза“. От. Сергіевъ „благодаритъ отъ всего сердца Господа, смилостивившагося надъ Россіей“ („Колок.“ № 221).

Изъ послѣднихъ „подвиговъ“ (употребляю терминъ самого г. Грингмута) монархическихъ партій необходимо отмѣтить: „запросъ“, посланный отъ лица монархической партіи германскому императору, Вильгельму II, обращеніе къ петербургскому митрополиту Антонію, „патріотическая манифестація“ по поводу посѣщенія англійской депутаціи Петербурга для врученія адреса бывшему предсѣдателю Государственной Думы, С. А. Муромцеву, и

съѣзды представителей монархическихъ партій въ г. Кіевѣ,—этой исконной „колыбели православія и самодержавія". Кіевъ передалъ эту идею Москвѣ, Москва Петербургу, который и обратилъ ее „въ бюрократію и перепродалъ евреямъ (?!)"

Особой ненавистью монархистовъ и „истинно русскихъ людей" пользуется „творецъ русской конституція", „источникъ смуты", графъ Витте. По своеобразной исторической справкѣ, графъ Витте, по терминологіи истинныхъ монархистовъ Грингмутовскаго толка, носитель „идеи петербургской государственности", „проклинаемый по всей Россіи, начиная отъ хижинъ крестьянъ до представителей высшихъ классовъ". Графъ Витте и „русская конституція"—два жупела „истинно-русскихъ людей", открещивающихся отъ слова „конституція", какъ отъ жупела (См. фельетонъ г. Вутми, „Рус. Зн.", № 251).

„Общество активной борьбы съ революціей и анархіей" еще въ періодъ своего нелегальнаго существованія ознаменовало себя многими „подвигами", натравливая одну часть населенія на другую своей пропагандой человѣконенавистничества. 17 сентября 1906 г., какъ сообщено было въ газетѣ „Товарищъ", общество получило разрѣшеніе на легальное существованіе („Приказомъ градоначальника отъ 17 сентября дворянину Дезобри, вдовѣ податного инспектора, В. П. Степановой, и дворянину Григорьеву разрѣшено образованное ими общество „активной борьбы съ революціей и анархіей" съ правленіемъ въ С.-Петербургѣ", „Право", № 39).

Первымъ выступленіемъ „легализированнаго общества, отъ котораго въ свое время открещивался трибунъ „русскаго собранія", казарменный профессоръ Никольскій, явилась бумага за печатью общества и подписью г-жи Степановой къ старостамъ студентовъ лѣсного института.

„Студенчеству пора одуматься, заняться наукой и поддержать общество въ его стремленіяхъ искоренить крамолу.

„Если же вы будете упорствовать и продолжать совращать народъ, мы объявимъ вамъ безпощадную войну. Берегитесь! Мы ни передъ чѣмъ не остановимся.

„Правительство учредило военно-полевые суды, мы пособимъ ему въ истребленіи крамольниковъ.

Пусть совѣтъ старостъ предъ своимъ отвѣтомъ на наше предложеніе взвѣситъ все это и приметъ во вниманіе".

Чтеніе черносотенной прокламаціи сопровождалось общими насмѣшками. Сходка рѣшила игнорировать черносотенныя угрозы. („Страна" № 189).

То же „общество" 17-го октября мобилизовало свои дружины на улицахъ Петербурга; дружинникамъ, вооруженнымъ револьверами, кастетами и просто ножами, былъ данъ приказъ по первому призывному свисту полиціи и дружинниковъ, „водворять законный порядокъ", примѣняя къ дѣлу имѣющееся оружіе. При отправленіи имъ совѣтывали особое вниманіе обратить на студентовъ. Въ случаѣ хорошей работы, имъ была обѣщана денежная награда.

„Выступленія", однако, не пришлось сдѣлать, такъ какъ провокація не нашла почвы. Законный порядокъ оставался весь день незыблемымъ, безъ вмѣшательства новыхъ стражей столичной безопасности.

IX.

Реформы всегда шли на Руси наряду съ реакціоннымъ теченіемъ. Реформаціонная дѣятельность Петра Великаго встрѣтила сопротивленіе реакціонныхъ элементовъ. Самодержецъ всея Россіи былъ названъ нечестивцемъ, подрывателемъ „священныхъ основъ", клейменъ именемъ еретика и антихриста. Сторонники реакціи пускали въ ходъ всѣ сред-

ства, чтобы подставить палку въ колеса новой машины, заведенной Петромъ. Клевеща, понося начинанія петровскихъ дней, они считали себя патріотами, спасателями государства отъ грозящаго ему разложенія. Они готовы были на всѣ средства лишь бы положить конецъ „затѣйкамъ" Петра. Но бездарности „охранителей" приходилось считаться съ геніемъ преобразователя, не задумавшагося, ради счастья будущаго, сбросить съ пути вставшаго поперекъ собственнаго сына— оплота и надежду реакціи.

Со смертью преобразователя реакція снова побѣдно подняла голову. „Птенцы Петра, еще державшіе бразды правленія при Екатеринѣ I, уступили мѣсто старой русской партіи, какъ она именовала себя, или вѣрнѣе реакціонерамъ, тянувшимъ вспять, враждовавшимъ между собою изъ-за личныхъ побужденій и выгодъ. Сила власти „прегордаго Голіафа"— Меньшикова перешла къ Долгорукимъ— оплоту старой русской партіи. Что же дѣлала старая русская партія? Она стремилась лишь къ одному — къ обладанію всей полнотой власти, къ сосредоточенію ея въ одвѣхъ рукахъ—старыхъ боярскихъ фамилій. Верховный совѣтъ втайнѣ вырабатываетъ ограничительные пункты и тайно же посылаетъ ихъ въ Митаву къ Герцогинѣ Курляндской.

Народъ и мелкое дворянство не принимаютъ никакого участія въ этомъ. Верховники дѣйствовали безъ ихъ вѣдома и всякаго опроса.

„Восемь персонъ" тайнаго совѣта заключили союзъ, выдвигая принципъ олигархическаго правленія.

Пока новые спасители отечества препирались, выторговывая себѣ мѣста въ Верховномъ совѣтѣ, противъ самихъ верховниковъ зрѣла оппозиція.

Мелкое дворянство разсуждало опасливо: „Кто можетъ поручиться, что вмѣсто одного самодержца, мы не получимъ столько же тирановъ, сколько въ совѣтѣ членовъ, и что не

очутимся во сто разъ въ тягчайшемъ рабствѣ отъ ихъ притѣсненій? Мы не имѣемъ твердыхъ законовъ, которыми былъ бы ограниченъ этотъ Верховный совѣтъ; если верховники могутъ создавать законы, то могутъ также ежеминутно и нарушать ихъ, и Россія сдѣлается вертепомъ разбойниковъ".

Простой народъ не разсуждалъ вовсе. За него разсуждали и „истинно-русскіе люди" въ лицѣ старо-дворянскихъ фамилій—верховниковъ, и они, опредѣляя вольности сословій, заявляли: „людей боярскихъ и крестьянъ не допускать вовсе ни къ какимъ дѣламъ" Зато всѣ „дѣла" и резиденція переносилась назадъ, домой—въ старую Москву...

„Трапеза была уготована", но на этой трапезѣ участникомъ не былъ русскій народъ. Онъ не былъ не только избраннымъ, но даже и званымъ. Старая русская партія всего менѣе думала о немъ. Не думало о немъ и правительство, закабаляя крестьянъ, раздаривая ежегодно десятки тысячъ душъ своимъ ставленникамъ.

Государственная жизнь замерла, и Россія походила „на корабль, кормчій и матросы котораго покоятся крѣпкимъ сномъ".

Кипѣла лишь одна работа. И эта работа была „очищеніе казначейства". Реакція справляла пиръ. Временщики управляли Россіей, „истинно-русскіе" люди изъ боярскихъ родовъ вели нескончаемые счеты и борьбу за власть, за это единственное вѣрное средство для обогащенія и безконтрольной наживы.

Реформы Петра были забыты; до-петровскіе порядки мало-по-малу возвращались обратно.

Деспотизмъ Бирона, предъ которымъ покорно гнули спины русскіе вельможи, вымаливая у бывшаго конюха, вознесеннаго до ступень трона, подачекъ и милостей, не нашелъ достойнаго противодѣйствія. Паденіе Бирона обратило на него гнѣвъ даже недавнихъ его ласкателей. Заднимъ числомъ просыпалась

ненависть ко всему иноземному. „Патріотическія“ чувства вспыхивали даже въ груди вчерашнихъ дворцовыхъ рабовъ его свѣтлости. „Патріотизмъ“, узко и дурно понятый, находилъ себѣ пищу въ ненависти ко всему иностранному, начиная съ иностранныхъ фамилій и кончая заморскими затѣями Петра. Ловкіе проходимцы пользовались умѣло „патріотическимъ подъемомъ“ и разжигали страсти.

Снова перетряхивается родная старина, идетъ сыскъ подрывателей „священныхъ основъ русскаго общества“. Духовенство еще при Аннѣ открыто тянетъ къ до-петровской старинѣ, грезитъ о возстановленіи патріаршества, чтобы ввести „духовенство въ древнеё благочестіе и доброе состояніе“.

Призывъ назадъ раздавался все громче среди кладбищенскаго безмолвія русской жизни.

Во всѣхъ скверпахъ этой жизни виновниками (подобно тому, какъ теперь въ немъ обвиняютъ реакціонеры евреевъ) объявлялись иностранцы. Духовныя витіи съ церковной кафедры záушали ихъ со всей силой бурсацкой элоквенціи:

„Чужестранцы—пришлецы, Петромъ посѣянные въ Россіи, правовѣрія ругатели, эмиссары дьявольскіе, человѣкоядныя птицы, кумиры златые, которымъ приносили жертвы, какъ болванамъ“ и т. д. Оказывалось, что только благодаря иностранцамъ въ Россіи „неправда царствовала, а правда за карауломъ сидѣла“.

Наиболѣе образованные люди времени не гнушались завѣдомо лгать, разжигая въ народѣ ненависть не къ казнокрадамъ и взяточникамъ, мздоимцамъ и неправеднымъ судьямъ, сдиравшимъ послѣднюю рубаху съ нищаго народа, не къ порядкамъ, породившимъ и взлелѣявшимъ этихъ паразитовъ во образѣ государственныхъ людей, а къ иностраннымъ порядкамъ и иностранцамъ вообще. Пробу-

ждать сознаніе темнаго народа, открывать ему глаза на его собственныя язвы было опасно; сѣять плевелы на почвѣ человѣконенавистничества было куда и легче, и удобнѣе.

Православіе обращается въ воинствующую религію. За отпаденіе отъ него въ „кроткое“ елизаветинское царствованіе жгли людей.

Реакціонеры дѣлали свое дѣло, пуская обычные способы „устрашенія“. Устрашали ловкіе проходимцы возможностью переворота во дворцѣ, ссылками, казнями, доносами на народъ. Страхъ былъ единственной уздой, единственнымъ рулемъ для правителей.

Какъ бы въ насмѣшку судьба послала русскимъ людямъ послѣ „истинной россіянки“ Елисаветы въ государи истиннаго нѣмца Петра III, богомъ котораго былъ Фридрихъ Великій.

То же самое произошло съ реформаціонной дѣятельностью Екатерины II. Реакція побѣдила и надолго задавила слабые ростки пробивающейся гражданственности. Неосуществленныя попытки реформъ Александра I, заглушаемыя реакціей, привели къ декабрьскимъ днямъ и гнету николаевскаго режима. Севастополь и полный разгромъ Россіи, какъ слѣдствіе реакціонной политики, привели, въ свою очередь, къ новымъ вѣяніямъ освободительной эпохи. Но и тутъ усилившейся волнѣ освободительныхъ идей была противопоставлена реакція.

Реформы не получили окончательнаго завершенія. Правительство, едва вступивъ на новый путь, сходило съ него въ угоду старинѣ и ея завѣтамъ. Реакція разрушала новыя постройки реформаторскаго духа и обращала ихъ въ развалины, вновь насаждая, по старымъ образцамъ, „истинно-русскія“ государственныя начала.

Мукденъ и Цусима доказали воочію всю непригодность старой постройки, съ такимъ рвеніемъ и ожесточеніемъ защищаемой охра-

лигенціи. Наступалъ моментъ, когда Россія должна была торжественно отказаться отъ горькихъ заблужденій и ошибокъ прошлаго и вступить на новый путь. Народъ, весь русскій народъ, а не числящіеся только въ союзѣ р. н. подонки, радостно встрѣтилъ первую вѣсть о свободѣ.

Но реакціонные элементы не унывали. Слабые, вслѣдствіе своей неорганизованности, они рѣшили сплотиться. Но сплоченіе на пути понятнаго движенія, для возстановленія уже исчезнувшихъ учрежденій, не находило и не могло найти организованныхъ сторонниковъ. Нуженъ былъ болѣе ясный лозунгъ, ласкающій грубые вкусы, бьющій на эффектъ. Нужна была для защиты не абстрактная идея, непонимаемая толпой, а конкретный образъ. Онъ нашелся въ рукахъ изворотливыхъ людей.

Еще во время японской войны, во время тяжелыхъ пораженій подъ Ляояномъ, Мукденомъ и Цусимой, нашлись анонимные „патріоты“, заявившіе, что японское золото подкупаетъ русскую интеллигенцію. Отъ японцевъ до инородцевъ, отъ интеллигенціи до студенчества—одинъ шагъ въ мышленіи грубыхъ умовъ и не брезгающихъ средствами руководителей.

Въ Москвѣ, еще задолго до манифеста 17 октября, зарождается монархическая партія, отстаивавшая самодержавіе въ самодержавномъ государствѣ, какъ бы желавшая „предупредить опасность грядущихъ событій. Партія была такъ же многочисленна, какъ подписчики „Московскихъ Вѣдомостей“, этого органа, живущаго лишь съ помощью казенной субсидіи въ видѣ казенныхъ объявленій.

Вспышки черносотенныхъ бандъ, науськиваемыхъ и провоцируемыхъ отдѣльными вдохновителями подъ покровомъ снисходительной къ нимъ администраціи, находятъ отзвукъ въ сердцахъ истинно-русскихъ патріотовъ:

„Русское собраніе“ изъ обѣденнаго клуба, съ застольными рѣчами въ честь „обрусителей“

русскихъ окраинъ выходитъ на арену политической борьбы. Создается союзъ русскаго народа. Цѣль его подъ видомъ отстаиванія устоевъ самодержавія вернуть Россію на прошлый путь, возвратиться ко временамъ старой Московіи, когда бояре и князья вершали всѣ дѣла, а народъ послушно платилъ однѣ лишь подати.

Монархическая партія безъ стѣсненія написала въ своей программѣ „сохраненіе сословнаго строя русскаго народа“, т. е., другими словами, раздѣленіе, какъ встарь, русскаго народа на крестьянъ-рабовъ и дворянъ-повелителей.

Монархическая партія заявляетъ, что русскій народъ долженъ быть хозяиномъ въ Россіи, но это хозяйничанье она понимаетъ крайне своеобразно. Хозяинъ въ отношеніи инородцевъ, онъ долженъ быть батракомъ у чиновниковъ. Партія считаетъ ненужными Государственную Думу и участіе народныхъ избранниковъ, какъ законодателей. Раньше она отрицала вовсе Государственную Думу, теперь отрицаетъ ея законодательныя права по смыслу акта 17 окт. 1905 года и желаетъ умалить и тотъ ничтожный размѣръ ихъ, какимъ пользовалась Государственная Дума, согласно акту 6 августа.

То же самое сулитъ народу и союзъ русскаго народа, начавшій свою дѣятельность въ ноябрѣ 1905 г. Впрочемъ, отстаивая самодержавіе, союзъ русскаго народа еще въ декабрѣ прошлаго года былъ убѣжденъ, что самодержавіе вполнѣ совмѣстимо съ Государственной Думой (рѣчь г. Булацеля въ Царскомъ Селѣ); въ настоящее время союзъ Думу не признаетъ иначе, какъ, вразрѣзъ съ манифестомъ 17-го октября 1905 г.,—только совѣщательнымъ учрежденіемъ.

Въ декабрѣ прошлаго года „истинно-русскіе люди“ писали:

„17-го октября 1905 года Царь издалъ манифестъ, которымъ онъ далъ еще большія

права Государственной Думѣ. Онъ повелѣлъ, чтобы никакой законъ не могъ получить силу безъ одобренія Государственной Думы. Это значитъ, что министры больше не могутъ сами, помимо Думы, докладывать Царю о новыхъ законахъ, которые они хотятъ провести, а должны сначала дать ихъ на разсмотрѣніе Государственной Думы, т. е. нашихъ же выборныхъ, а если эти выборные найдутъ, что законъ хорошъ, то тогда только онъ можетъ попасть къ Царю на разсмотрѣніе. А Царь-Батюшка воленъ его и не утвердить, если Онъ видитъ, что законъ этотъ не поведетъ къ добру".

Одинъ изъ главарей реакціоннаго движенія, г. Шараповъ, также не видитъ „вѣянія русскаго духа" въ Петербургѣ, гдѣ „сочинили и упорно поддерживаютъ нелѣпую Государственную Думу" (Открытое письмо къ П. А. Столыпину).

Послѣ ряда пріятныхъ словъ по адресу премьеръ-министра, г. Шараповъ переходитъ къ своей критикѣ, „имѣющей цѣлью не пошатнуть, а укрѣпить положеніе главы кабинета". Укрѣпленіе состоитъ въ преподаніи полезныхъ совѣтовъ относительно необходимости государственнаго переворота: вмѣсто созыва Думы, панацеей отъ всѣхъ золъ является всенародный плебисцитъ, или всенародное земское собраніе. Иначе „русскіе люди не простятъ" полнаго неуваженія правительства къ мѣстнымъ силамъ, принципіальное отрицаніе всякаго ихъ содѣйствія и совѣта. Боязнь за новое собраніе „депутатовъ выборгскаго типа" заставляетъ г.г. Шараповыхъ изъ реакціонныхъ партій усиленно взывать къ правительству о замѣнѣ стараго избирательнаго закона новымъ, о привлеченіи „дѣловыхъ русскихъ людей къ казенной работѣ", т. е. о всемъ томъ, о чемъ разсуждали „истинно-русскіе люди" въ Кіевѣ на своемъ съѣздѣ.

Домогательства ихъ пошли дальше, отно-

шеніе къ нимъ правительства становилось все болѣе опредѣленнымъ. „Русскіе люди“ уже торжествовали побѣду. Такъ, напримѣръ, органъ союза русскаго народа—„Русское Знамя“ предъявило правительству запросъ относительно законопроекта объ участи евреевъ. „Правительственный Вѣстникъ“, весьма любезно разъяснилъ „истинно-русскимъ организаціямъ“, „что никакого законопроекта объ облегченіи участи евреевъ не выработано, но лишь только еще собираются матеріалы“.

Весьма характерно, что въ то время, какъ декларація премьеръ-министра встрѣтила поддержку у охранителей въ обѣихъ своихъ частяхъ (борьба съ революціей и обѣщаніе реформъ), крайніе правые сочувственно приняли только первую часть, отрицая необходимость второй.

Органъ союза русскаго народа ясно очертилъ свою программу, заявивъ, что „судьбу Россіи рѣшатъ или крайніе правые, или крайніе лѣвые. Середины быть не можетъ потому, что она одинаково ненавистна и правому, и лѣвому крылу (№ 231).

Стремленіе во что бы то ни стало къ государственному перевороту толкаетъ крайнихъ правыхъ на ихъ явно революціонный путь. Правительство, признавшее своей задачей борьбу съ революціей, однако, упорно хранитъ молчаніе, „не скупясь въ то же время на рептильные укусы лѣвымъ“.

Болѣе того, въ составѣ кабинета находится членъ союза русскаго народа, товарищъ оберъ-прокурора, г. Роговичъ. Членъ безпартійнаго министерства во всеуслышаніе заявилъ, что онъ „гордится своей принадлежностью къ союзу и клянется въ вѣрности его принципамъ“.

„Одесскій генералъ-губернаторъ, баронъ Каульбарсъ, выслушиваетъ торжественныя привѣтствія „истинно-русскихъ людей“. Съѣздъ монархическихъ партій въ Кіевѣ открылся молебномъ, который отслужилъ митро-

полятъ Флавіанъ съ обоими своими викаріями и съ многочисленнымъ духовенствомъ Кіева и другихъ городовъ. Всѣмъ своимъ авторитетомъ, всей богослужебной помпой, такъ сильно дѣйствующей на массы, освящаетъ церковь проповѣдь г.г. Грингмутовъ и К. Московскій пророкъ патріотизма проповѣдуетъ на съѣздѣ, что „полунѣмецъ Питеръ перепродалъ жидамъ" идею и достоинство Россіи, „Русское Знамя" открыто призываетъ толпу къ самосправѣ съ евреями и интеллигентами, а высшіе іерархи оффиціальной церкви прикрываютъ эту человѣконенавистническую проповѣдь своимъ омофоромъ, а въ ряды министерства призывается сановникъ, открыто заявляющій о своей солидарности съ этой „идеологіей"... („Страна" № 177).

Правительству, олицетворяющему, по мнѣнію нашихъ охранителей, сильную власть, реакціонеры грубо диктуютъ, что „русскій народъ (мы уже видѣли горделивое отождествленіе кучки союза русскаго народа со всѣмъ русскимъ народомъ) въ правѣ требовать признанія евреевъ вредной сектой". „Въ постоянныхъ уступкахъ еврейству,—заявляется, далѣе, —народъ видитъ слабость правительства, противорѣчащую заявленіямъ его о рѣшимости". („Русское Знамя" № 254). Далѣе говорится уже совершенно выразительно: „берегитесь, господинъ министръ, дальнѣйшаго!"

Редакторъ лейбъ-органа союза русскаго народа, г. Булацель, окрыленный успѣхомъ пропаганды, вплотную ставитъ коварный вопросъ министерству: конституціонно-ли оно? Если да, то г. Булацель требуетъ отъ г. Столыпина „отреченія" отъ „ненавистной почвы" конституціонализма.

Вопросъ былъ поставленъ ребромъ, и г. Столыпинъ вынужденъ былъ на него отвѣтить.

„Мнѣ показывали письмо Булацеля, и я значенія ему не придаю,—заявилъ премьеръ-министръ корреспонденту „Новаго Времени".— Партіи склонны втянуть правительство въ пар-

тійность, имъ хотѣлось бы обратить и его въ „политическую партію". Между тѣмъ, я считаю существенно важнымъ, чтобы правительство было внѣпартійнымъ, такъ какъ у насъ нѣтъ и не можетъ быть парламентаризма. Объ этомъ я, несомнѣнно, сказалъ пожелавшимъ представиться мнѣ оффиціально, для выраженія сочувствія по поводу событія 12-го августа на Аптекарскомъ островѣ, председателямъ отдѣловъ союза русскаго народа, съѣхавшимся въ Петербургъ. Въ программу свою они не включили никакихъ такъ называемыхъ въ обществѣ „черносотенныхъ" пріемовъ: разъ группа эта не прибѣгаетъ къ насилію, она представляетъ изъ себя крайнюю правую партію, дѣйствующую вполнѣ законно. Преданность ея монархическому принципу и національнымъ началамъ не можетъ ни въ коемъ случаѣ сдѣлать изъ нея партіи „правительственной", такъ какъ правительство—внѣ партій. Никогда предсѣдатель Совѣта Министровъ не могъ бы отречься отъ проводимой имъ программы, основанной на осуществленіи возвѣщенныхъ съ высоты престола преобразованій и отъ созыва Государственной Думы къ 20-му февраля.

Послѣ этого заявленія падаетъ тонъ органовъ „истинно-русскихъ людей", и одинъ изъ листковъ („Колоколъ") съ проніей замѣчаетъ: „По духу наша бюрократія родственна г.г. Муромцевымъ, Долгоруковымъ, Герценштейнамъ и К°.".

Изъ гонителей монархисты принимаютъ виды гонимыхъ.

X.

Въ то самое время, когда крайніе правые рѣшительно разрываютъ связь съ правительствомъ и, пользуясь его поддержкой, выступаютъ на арену активной дѣятельности, наши „охранители",наоборотъ,не пользуясь никакой поддержкой, сами готовы открыть объятія сильной власти.

Во станѣ охранительныхъ партій, дальше программъ, напечатанныхъ на типографскомъ станкѣ, не идущихъ, царятъ тишь и гладь.

Появляются впотьмахъ какіе-то идеалисты ярмонкинскаго типа, которые „держатъ въ своихъ рукахъ знамя освободительнаго движенія и не дадутъ никому вырвать это знамя“. Подобно союзу русскаго народа, они заявляютъ съ неменьшей отвагой, что знамя народа будетъ всегда въ ихъ рукахъ, и что они прежде всего „націоналисты“. Новые „освободители“ стоятъ за власть самодержавія и сословность выборовъ въ Думу. Честные рыцари, держащіе знамя народа, объявляютъ себя сторонниками неограниченнаго самодержавія, Царской Думы и народнаго представительства. Подкапывая подъ личиной дружбы устои русской конституціи, они не находятъ отпора. Въ то же самое время охранительныя партіи даютъ своей бездѣятельностью прекрасный матеріалъ для будущаго историка: въ лучшемъ случаѣ молчаливое охраняемая съ кремневымъ ружьемъ въ рукахъ противъ скорострѣльныхъ пушекъ врага тишина изрѣдка прерывается потокомъ словъ и краснорѣчивыхъ ламентацій, стремящихся оправдать существованіе „разумной дѣйствительности“.

Всѣмъ памятно письмо г. А. Гучкова, всколыхнувшее сонное царство его единомышленниковъ. Это письмо такъ прекрасно опредѣляетъ цѣль и настроеніе, желанія и идеалы нашихъ охранителей, что на немъ придется остановиться нѣсколько дольше.

Въ этомъ письмѣ лидерами союза 17-го октября декларація г. Столыпина признавалась благовѣствованіемъ новаго курса правительства. По мнѣнію г. А. Гучкова, раздѣляемаго партіей, правительственное сообщеніе о грядущихъ реформахъ и созваніи новой Думы въ обѣщанный срокъ должно положить конецъ опасеніямъ общества въ реакціонныхъ замыслахъ правитель-

ства. Это сообщеніе, говоря словами А. Гучкова, „во-первыхъ, еще разъ подтверждало рѣшимость правительства созвать Думу, во-вторыхъ, оно излагало весьма обширную и по характеру своему весьма прогрессивную программу, какъ тѣхъ реформъ, которыя, въ виду ихъ неотложности, предполагалось провести немедленно, такъ и тѣхъ законопроектовъ, которые имѣлись въ виду подготовить для Г. Думы". „Если эта программа и страдала, съ моей точки зрѣнія,—писалъ г. Гучковъ,—нѣкоторой неполнотой и извѣстной, такъ сказать, робостью, то, во всякомъ случаѣ, она въ общемъ своемъ направленіи была прогрессивна и представляла тотъ мостъ между правительственными взглядами и ожиданіями разныхъ группъ, на которомъ могло бы состояться мирное соглашеніе. Я уже не видѣлъ здѣсь прежней непереходимой пропасти и полагалъ, что оставшіяся между сторонами разногласія могутъ быть устранены путемъ парламентской работы, при помощи тѣхъ взаимныхъ уступокъ и соглашеній, которыя лежатъ въ основаніи всякой законодательной работы во всѣхъ странахъ со сложнымъ парламентскимъ законодательнымъ механизмомъ. При такихъ условіяхъ я не могъ не дать благопріятнаго отзыва объ этой части деклараціи, причемъ я нисколько не сомнѣвался, что радикальная пресса встрѣтитъ этотъ отзывъ крайне враждебно: вѣдь, задачей радикальныхъ партій является въ настоящій моментъ изолировать правительственную власть, убѣдить и общество, и правительство, что между ними соглашеніе невозможно, что внѣ революціи нѣтъ выхода изъ настоящаго кризиса, и что только развѣ капитуляція правительства передъ этими партіями можетъ предотвратить катастрофу.

Въ другой своей части правительственное сообщеніе выясняетъ задачи и ходъ револю-

ціоннаго движенія за послѣднее время, указывая, что цѣли этого движенія далеко выходятъ за предѣлы возможныхъ реформъ. „Долгъ государства,—говоритъ сообщеніе,—остановить поднявшуюся кверху волну дикаго произвола, стремящагося сдѣлать господами положенія всеуничтожающіе противообщественные элементы“. Какъ это ни странно, но наши политическія группировки опредѣляются въ настоящій моментъ не столько внутреннимъ содержаніемъ партій, ихъ задачами и программами, сколько внѣшнимъ фактомъ того или иного отношенія къ революціи, къ революціонному способу борьбы, къ революціоннымъ организаціямъ. Если даже и признать за народомъ право на революцію, на насильственное ниспровержение такого строя, который создаетъ для этого народа невыносимо тягостное положеніе, то надо помнить, что революція, сопровождающаяся междоусобной войной, представляетъ самое страшное оружіе по жестокости, намного превосходящее международныя войны. И если преступенъ тотъ, кто вовлечетъ государство во внѣшнюю войну безъ крайней надобности, то еще преступнѣе тотъ, кто толкаетъ свой народъ въ революцію, когда есть иные выходы изъ положенія. Вотъ этой безвыходности положенія я въ данномъ случаѣ и не усматриваю.“

Письмо г. А. Гучкова вызвало два отвѣта со стороны кн. Е. Трубецкого. Умѣренно настроенный кн. Е. Трубецкой, еще недавно видѣвшій въ предвыборномъ сплоченіи всѣхъ конституціонныхъ партій оплотъ противъ реакціоннаго теченія и призывавшій партіи къ мирному единенію, долженъ былъ похоронить свою мечту.

„Я,—писалъ кн. Трубецкой во второмъ своемъ отвѣтѣ А. Гучкову отъ 8 сентября 1906 г.—настаивалъ и настаиваю на необходимости тѣснаго предвыборнаго союза между партіями центра, къ которымъ я причисляю, съ одной стороны, партію народной свободы, а съ дру-

гой—партію мирнаго обновленія. Я вижу въ этомъ объединеніи русскаго либерализма единственно возможный оплотъ противъ разрушительной работы правительства и крайнихъ. Я думаю, что въ этомъ союзѣ— спасеніе нашей культуры и тѣхъ конституціонныхъ началъ, которымъ угрожаетъ гибель справа и слѣва.

„Но если соглашеніе желательно и возможно съ партіей мирнаго обновленія, въ которой вы, какъ оказывается, не принадлежите, то съ вами оно рѣшительно невозможно."

На ту же самую точку зрѣнія всталъ и другой видный дѣятель и членъ центральнаго комитета союза 17 октября, Д. Н. Шиповъ.

„Когда,—писалъ г. Шиповъ,—въ началѣ текущаго года стало ясно, что министерство гр. С. Ю. Витте сошло съ этого пути и попрежнему придерживается традицій бюрократическаго абсолютизма и административнаго произвола, съѣздъ союза высказалъ громкое осужденіе такой тактикѣ правительства и открыто заявилъ, что образъ дѣйствій министерства исключаетъ возможность какой-либо поддержки со стороны союза. Оставаясь вѣрнымъ этимъ принципамъ, я не считаю возможнымъ, чтобы союзъ могъ быть въ настоящее время солидаренъ съ министерствомъ П. А. Столыпина. Министерство П. А. Столыпина есть министерство роспуска думы, министерство, создавшееся на почвѣ конфликта переживающаго себя бюрократическаго режима съ народнымъ представительствомъ. Поэтому политика настоящаго кабинета можетъ быть только реакціонной, о чемъ съ очевидностью свидѣтельствуютъ ежедневные многочисленные факты проявленія административнаго произвола. Но министерская декларація заявляетъ, что правительство борется не съ обществомъ, а только съ врагами общества, но при этомъ врагами общества, повиди-

мому, признаются всѣ, не одобряющіе дѣйствій правительства. Путь усиливающихся репрессій является для настоящаго министерства неизбѣжнымъ и уже привелъ его къ широкому примѣненію военно-полевыхъ судовъ. Въ настоящее время самымъ страшнымъ фактомъ нашей общественной жизни представляется все усиливающійся упадокъ нравственнаго сознанія, а помимо нравственнаго возрожденія страны нѣтъ выхода изъ переживаемаго положенія. Но не военно-полевые суды могутъ обновить нравственный обликъ Земли Русской. Мѣра эта можетъ содѣйствовать лишь еще большему развитію процесса деморализаціи и одичанію въ обществѣ. Расходясь съ предсѣдателемъ центральнаго комитета въ оцѣнкѣ декларація министерства, я, въ виду нашего коренного разногласія, не нахожу возможнымъ оставаться членомъ союза 17 октября и выхожу изъ его состава.“

Тѣмъ не менѣе, союзъ 17 октября и затѣмъ партія мирнаго обновленія признали точку зрѣнія г. Гучкова вполнѣ пріемлемой и согласной съ духомъ и программами партій.

Такимъ образомъ, соглашеніе стало невозможнымъ не только съ г. Гучковымъ лично, но и съ тѣми партіями, которыя, вмѣсто рѣшительнаго разрыва съ остатками бюрократическаго режима, стремятся поддерживать сильную власть въ лицѣ конституціоннаго правительства, правящаго самодержавно, „согласно исконнымъ традиціямъ русскаго народа“.

Совершенно въ иномъ соотношеніи къ правительству находятся крайнія правыя (реакціонныя) партія.

Союзъ русскаго народа—типичный выразитель крайнихъ реакціонныхъ взглядовъ,—стремясь къ возстановленію древняго самодержавія, отмѣчаетъ, что „современный бюрократическій строй, заслонившій свѣтлую личность Царя отъ народа присвоившій себѣ часть правъ, составляющихъ исконную при-

надлежность русской самодержавной власти, привелъ отечество наше къ тяжелымъ бѣдствіямъ и потому подлежитъ измѣненіямъ."

О самыхъ измѣненіяхъ въ духѣ союза русскаго народа—рѣчь впереди, пока же остановимся на программѣ и тактикѣ союза по отношенію къ тому же правительству.

Признавая современный бюрократическій строй отжившимъ, союзъ, тѣмъ не менѣе, усердно заигрывалъ одно время съ правящей бюрократіей. Отрицая, въ противоположность охранительнымъ партіямъ, сущность русской конституціи, „русскіе люди" призываютъ Россію возвратиться вспять.

Партія монархистовъ, вдохновляемая истиннымъ патріотомъ, г. Грингмутомъ, „хотя и не всегда сочувствовала правительству, тѣмъ не менѣе, все же должна высказать ему свою солидарность и выразить надежду, что въ будущемъ правительство дойдетъ до тѣхъ логическихъ доводовъ, которые будутъ вполнѣ согласоваться со взглядами монархистовъ." Первыми вѣстниками такого сближенія правительства съ монархистами г. Грингмутъ отмѣчалъ: опубликованіе циркуляра Совѣта Министровъ о воспрещеніи чиновникамъ участвовать въ политическихъ партіяхъ, не только революціонныхъ, но даже и оппозиціонно настроенныхъ по отношенію къ правительству. Далѣе, такое же сближеніе усматривалось монархистами въ назначеніи на губернаторскіе посты людей, „зарекомендовавшихъ себя твердыми дѣятелями и вѣрноподданными Самодержавному Царю". Г. Грингмутъ со своими единомышленниками въ благодарственной телеграммѣ на имя г. Столыпина (24 сентября 1906 г.) заявилъ увѣренность, что правительство и въ дальнѣйшей дѣятельности своей окажется достойнымъ признательности единомышленниковъ со Страстного бульвара, „не будетъ терпѣть въ своихъ рядахъ враговъ Самодержавнаго Царя и замѣнитъ ихъ „истинно-русскими людьми".

готовыми положить свою жизнь для спасенія Россіи отъ гибели.“

Такимъ образомъ, кабинетъ г. Столыпина сразу удостоился признанія и поддержки со стороны двухъ, казалось бы, діаметрально противоположныхъ партій: поклонниковъ конституціоннаго режима, базирующихся на „конституціи 17 октября“, и отъявленныхъ враговъ этой конституціи, признающихъ, что 17 октября ничего не измѣнило въ русской жизни.

Признаніе—очень цѣнное и характерное, въ особенности, если учесть факты: разрѣшеніе съѣзда въ Кіевѣ монархическихъ партій и отсрочка въ легализація партіи мирнаго обновленія, невозможность собраться съѣзду партіи народной свободы и пламенныя рѣчи подъ звонъ лаврскихъ колоколовъ и хлопонье пробокъ отъ бутылокъ на торжествѣ собравшихся „истинно-русскихъ людей“.

XI.

Неразгаданный охранителями и реакціонерами сфинксъ, во образѣ то конституціоннаго, то самодержавнаго правительства, долженъ былъ рано или поздно сбросить загадочный покровъ.

Союзъ 17 октября послѣ долгой дремоты напомнилъ о своей дѣятельности, собравшись въ концѣ сентября въ Москвѣ и провозгласивъ себя „одной изъ немногихъ и единственной широко организованной по всей Россіи политической партіей, стоящей на строгоконституціонной почвѣ“.

Отклоняя мысль о полной солидарности съ министерствомъ г. Столыпина, союзъ, однако, благодушно успокаивается до новыхъ выборовъ на существующихъ порядкахъ. Послѣ выборовъ рѣчь будетъ иная, такъ какъ тогда можно будетъ замѣнить „существующій бюрократическій кабинетъ другимъ изъ независимыхъ и либеральныхъ дѣятелей“. Необходимо

лишь одно,—чтобы будущее народное представительство во второй Думѣ не только захотѣло бы, но и сумѣло направить Россію къ утвержденію и развитію конституціоннаго строя и гражданской свободы.

До выборовъ же единственная цѣль министерства, по мнѣнію октябристовъ, борьба съ анархіей. Такимъ образомъ, октябристы, мечтая о будущихъ отрадныхъ перспективахъ, когда у власти встанутъ истинные конституціоналисты, въ настоящее время, т. е. до выборовъ, охотно готовы допустить „не солидарное“ съ ними министерство для расчистки пути будущимъ „конституціоннымъ дѣятелямъ“, которые, не сѣявши, будутъ пожинать урожай расчищеннаго поля, именуемаго правовымъ порядкомъ. По ихъ мнѣнію, „истинные конституціоналисты“ могутъ спокойно выжидать окончанія борьбы съ анархіей и затѣмъ уже взять на себя бразды правленія, осуществляя свои конституціонныя мечты.

Нечего и говорить, что такія упованія очень близки къ маниловскимъ мечтамъ, такъ какъ безъ борьбы невозможна побѣда. А гг. октябристы не умѣютъ и не могутъ бороться. Ихъ хватаетъ лишь на одно—на пассивное выраженіе своей несолидарности и съ правительствомъ, и съ оппозиціонными партіями. На языкѣ октябристовъ такая пассивность называется „стояніемъ на строго-конституціонной почвѣ“.

Несмотря не все это, партія мирнаго обновленія не пользуется довѣріемъ „конституціоннаго правительства“. Вмѣсто поддержанія хорошихъ отношеній съ мирно-обновленцами, готовыми на уступки, правительство, съ одной стороны, боится оттолкнуть ихъ отъ себя, съ другой—привлечь къ себѣ. Переговоры о вступленіи главарей партіи мирнаго обновленія въ кабинетъ, послѣ разгона Думы, не привели къ какимъ-либо осязательнымъ результатамъ. Мирно-обновленцы, отмежевавшись отъ большей части членовъ Думы, выступили съ

контръ-воззваніемъ, опредѣленно заявивъ свое политическое credo. Тѣмъ не менѣе, и Гейденъ и Шиповъ оказались слишкомъ „крайними“.

Не представляя собой ясно выраженной оппозиціи и въ то же самое время отрицая свою солидарность съ врагами новаго порядка, создавшагося 17-го октября 1905 года, наши „охранители“ русской конституціи уподобляются тѣмъ бѣднякамъ, которые бываютъ лишь богаты во снѣ. Застывши въ безмятежномъ снѣ, они не слышатъ ни стоновъ жизни, не видятъ крови и ужасовъ, переживаемыхъ Россіей, и повторяютъ лишь хорошія слова: „новый порядокъ, призывая всѣхъ русскихъ людей, безъ различія сословій, національностей и вѣроисповѣданій, къ свободной политической жизни, открываетъ предъ ними широкую возможность законнымъ путемъ вліять на судьбу своего отечества и предоставляетъ имъ на почвѣ права отстаивать свои интересы, мирной и открытой борьбой добиваться торжества своихъ идей, своихъ убѣжденій“. (Программа союза 17 октября) „Новый порядокъ,—продолжаютъ сладкопѣвцы союза, —вмѣстѣ съ тѣмъ налагаетъ на всѣхъ, кто искренне желаетъ мирнаго обновленія страны и торжества въ ней порядка и законности, кто отвергаетъ одинаково и застой, и революціонныя потрясенія, священную обязанность въ настоящій моментъ, переживаемый нашимъ отечествомъ, моментъ торжественный, но полный великой опасности, дружно сплотиться вокругъ тѣхъ началъ, которыя провозглашены въ манифестѣ 17-го октября, настоять на возможно скоромъ, полномъ и широкомъ осуществленія этихъ началъ правительственною властью, съ прочными гарантіями ихъ незыблемости, и оказать содѣйствіе правительству, идущему по пути спасительныхъ реформъ, направленныхъ къ полному и всестороннему обновленію государственнаго и общественнаго строя Россіи“.

Изъ всего этого октябристы проявили лишь въ дѣйствительности одно: желаніе оказать содѣйствіе правительству и заключить союзъ съ крайними реакціонерами.

Несомнѣнно, что „охранители“ не существующаго на дѣлѣ порядка, желающіе его не насаждать, а только охранять, не могутъ имѣть какого-либо прочнаго успѣха, и „единственная широко организованная партія на началахъ строго-конституціоннаго порядка“ не проявляетъ особо-широкой дѣятельности.

Они желаютъ не капитальной перестройки зданія, именуемаго русской государственностью, а лишь частичныхъ его перестроекъ. Они желаютъ не столько обновленія, сколько подновленія старины.

Они признаютъ необходимость ограниченной монархіи, стремятся къ конституціоннымъ (но не парламентарнымъ) формамъ, требуютъ всеобщаго (но не прямого и равнаго) избирательнаго права, домогаются свободъ, личной и общественной. Противницы идеи федераціи и автономіи, охранительныя партіи стоятъ за широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія на всемъ пространствѣ Имперіи. Союзъ 17 октября еще настаиваетъ на участіи въ мѣстномъ самоуправленіи всѣхъ русскихъ гражданъ, безъ различія національности и вѣроисповѣданія, въ созданіи правительственной власти. Эта партія допускаетъ „признаніе за отдѣльными національностями самаго широкаго права на удовлетвореніе и защиту своихъ культурныхъ нуждъ, впрочемъ, въ предѣлахъ допустимыхъ идеей государственности и интересами другихъ національностей (?!)“. Итакъ, охранительныя партіи въ лицѣ союза 17 октября признаютъ, что старый укладъ русской государственной жизни отжилъ и отмѣненъ манифестомъ 17-го октября 1905 г. На этомъ, собственно, и кончаются всѣ прочныя устои партій центра. Борьба новаго со старымъ признается излишней оппозиціей. Не допуская мысли о томъ, чтобы

предначертанія Монарха могли быть неисполненными его слугами, партіи центра объявляютъ переходъ Россіи къ новымъ формамъ управленія уже совершившимся, признаютъ существующее правительство обязаннымъ дѣйствовать по новому пути. Устраняя отвѣтственность министровъ предъ народнымъ представительствомъ и подчиняя представительство дѣйствію основныхъ законовъ, они тѣмъ самымъ, подобно крайнимъ правымъ, сводятъ роль народнаго представительства лишь къ совѣщательному значенію.

Партіи центра стоятъ за свободы (законы о свободѣ личности, печати и пр. относятся ими къ своду основныхъ законовъ), но уже торгово-промышленная партія ясно подчеркиваетъ, что въ законѣ должна быть проведена граница между свободой и своеволіемъ. Она довольна данными свободами, но недовольна отсутствіемъ законовъ, „которые бы ограждали отъ злоупотребленій этими свободами".

Въ попеченіяхъ не столько о свободѣ, сколько о злоупотребленіяхъ, могущихъ проистечь отъ неразумнаго пользованія этими свободами, партія выдвигаетъ на первый планъ обузданіе преступныхъ и вредныхъ для государства элементовъ. То, что полезно или вредно для государства, трактуется, конечно, съ узко-партійной точки зрѣнія. Такъ, напр., признавая въ принципѣ свободу стачекъ, торгово-промышленная партія оговаривается въ своей программѣ, что „всякія угрозы и насилія должны караться"

Въ прошломъ на всѣхъ дѣйствіяхъ охранительныхъ партій лежитъ много грѣховъ, вольныхъ и невольныхъ. „Истинные конституціоналисты" привѣтствовали учрежденіе военнаго положенія и вмѣсто требованія его отмѣны, на своемъ первомъ январскомъ съѣздѣ (1906г.) признали военное положеніе и чрезвычайныя мѣры, если и не соотвѣтствующими идеалу свободнаго конституціоннаго государства, то вполнѣ отвѣчающими требованіямъ момента.

Они, вмѣсто разрыва съ правительствомъ, пошли на уступки, изыскивая оправданія для правящихъ сферъ, вынужденныхъ бороться съ анархіей.

Въ концѣ концовъ, однако, и октябристы пришли къ разочарованію.

Въ опубликованномъ заявленіи центральнаго комитета союза 17 октября ясно выражено мнѣніе партіи объ отношенія ея къ правительству.

„Центральный комитетъ полагаетъ, что союзъ 17-го октября, какъ независимая конституціонная партія, могъ бы поставить себѣ задачею общую поддержку лишь такого министерства, которое стояло бы на почвѣ основныхъ началъ программы союза. Условія этого въ данномъ случаѣ союзъ не усматриваетъ, а потому сохраняетъ за собой полную свободу относиться съ одобреніемъ или осужденіемъ къ отдѣльнымъ правительственнымъ дѣйствіямъ, оставаясь одинаково чуждымъ какъ къ стремленію оказывать поддержку нынѣшнему кабинету, такъ и къ предвзятой оппозиціи ему. Въ то же время, именно въ силу своего конституціонализма, союзъ 17-го октября не можетъ примкнуть къ неистовой травлѣ стоящаго у власти правительства, которую ведутъ крайнія партіи въ переживаемую пору, вплоть до предстоящаго новаго созыва народнаго представительства, когда политическое положеніе не даетъ никакой вѣроятности замѣны существующаго бюрократическаго кабинета другимъ—изъ независимыхъ либеральныхъ дѣятелей.

„Упорная агитація противъ бюрократическаго министерства не преслѣдуетъ никакой разумной цѣли; она естественна со стороны явныхъ и тайныхъ революціонеровъ, которые пользуются каждымъ случаемъ и изыскиваютъ всякія средства, чтобы подрывать основы монархическаго строя, самой государственности, чтобы способствовать все большему разжиганію взаимной ненависти въ нашемъ из-

страдавшемся отечествѣ. Огульныя нападки на правительство могутъ повести далѣе выставляемой цѣли; онѣ могутъ въ сознаніи народномъ колебать государственное начало и тѣмъ самымъ ослабить всякую будущую власть, и, такимъ образомъ, играя въ руку монархіи, быть можетъ, надолго задержать конституціонное развитіе Россіи. Искренніе же сторонники конституціонной монархіи должны стремиться къ возможному успокоенію политическихъ страстей, какъ къ лучшему условію мирнаго и прочнаго преобразованія государства. Призывая союзъ къ дружной работѣ на пользу мира и прогресса нашей родины, центральный комитетъ остается при глубокомъ убѣжденіи, что единственнымъ надежнымъ выходомъ изъ настоящаго тревожнаго положенія страны является избраніе такого народнаго представительства, которое не только захочетъ, но и сумѣетъ направить Россію къ утвержденію и развитію конституціоннаго строя и гражданской свободы".

XII.

Единство Россіи—общій лозунгъ и пароль охранителей и революціонеровъ справа. Если въ широкомъ развитіи мѣстнаго самоуправленія союзъ 17 октября не видитъ еще нарушенія такого единства, если умѣренно-прогрессивная партія призываетъ центральное правительство черезъ своихъ мѣстныхъ представителей наблюдать за соблюденіемъ закона со стороны органовъ мѣстнаго самоуправленія, причемъ разногласія рѣшаетъ судъ, то партія правового порядка угрозу единству и недѣлимости Россіи—самому важному пункту своей программы—усматриваетъ въ автономіи отдѣльныхъ областей. Союзъ 17 октября отрицаетъ федерацію; партія правового порядка отрицаетъ автономію отдѣльныхъ областей.

Союзъ 17 октября „вполнѣ допускаетъ объ-

единенiе отдѣльныхъ мѣстностей Имперiи въ областные союзы для разрѣшенiя задачъ, входящихъ въ предѣлы мѣстнаго самоуправленiя, признаетъ безусловное равенство въ правахъ всѣхъ русскихъ гражданъ"; партiя правового порядка эти положенiя уже считаетъ опасными и вольнодумными. „Не къ расщепленiю государства и его населенiя,—заявляетъ программа партiи,—путемъ автономнаго обособленiя отдѣльныхъ мѣстностей и сопряженной съ этимъ неизбѣжной территорiальной равноправности жителей мы должны итти, а къ установленiю единаго русскаго гражданства". Въ новой своей программѣ партiя исключаетъ равенство для всѣхъ гражданъ, такъ какъ не признаетъ правъ за цѣлымъ народомъ—евреями.

Откладывая рѣшенiе запутаннаго и наболѣвшаго еврейскаго вопроса въ дальнiй ящикъ, партiя правового порядка тѣмъ не менѣе стоитъ за равноправiе всѣхъ русскихъ гражданъ. Ясно, что идея равноправiя при такихъ условiяхъ звучитъ „стремленiемъ къ разноправiю" Всѣ эти пункты поддерживаются и реакцiонерами, пишущими на своемъ знамени тѣ же лозунги.

Въ этомъ отношенiи реакцiонеры ничѣмъ не отличаются отъ правыхъ центра, и единственное различiе то, что одни зовутъ къ возстановленiю не отмѣненнаго, по ихъ мнѣнiю, самодержавiя въ его старой, московской формѣ, а вторые платонически вожделѣютъ къ той конституцiи, которая уживается и съ военно-полевыми судами, охранами и прочими остатками стараго режима. Въ данномъ случаѣ, реакцiонеры болѣе прямолинейны. Они не желаютъ развязывать запутанные узлы и рубятъ съ плеча. Не понимая, одни умышленно, другiе искренно, что только при парламентарной борьбѣ возможна жизнь политическихъ партiй, они зовутъ къ родной старинѣ. Ихъ идеалъ:—неограниченное самодержавiе и ограниченное въ своихъ вожде-

леніяхъ чиновничество, царь неизмѣнно общающійся съ народомъ—крайне туманенъ.

Они зовутъ къ воскрешенію старыхъ земскихъ соборовъ—этихъ совѣщательныхъ при царѣ учрежденій, изсчезнувшихъ изъ русской жизни, не оставивъ за собою сколько-нибудь замѣтнаго слѣда. „Можетъ-ли быть какой-нибудь толкъ отъ такого порядка, когда царь долженъ править своимъ государствомъ по указкѣ своихъ подданныхъ?"—спрашиваетъ наивно составитель анонимной прокламаціи изъ союза русскаго народа

Примѣры Европы, начиная съ Англіи, для истинно русскихъ людей не убѣдительны. Они тянутъ свою пѣсню, стараясь самый терпѣливый, самый миролюбивый въ мірѣ русскій народъ убѣдить въ томъ, въ чемъ его никогда не могли убѣдить: въ ненависти къ инородцамъ и, въ особенности, къ евреямъ.

Еврейскій вопросъ рѣшается нашими реакціонерами просто: онъ долженъ быть разрѣшенъ „законами и мѣрами управленія (?!) особо отъ другихъ племенныхъ вопросовъ, въ виду продолжающейся стихійной враждебности еврейства къ христіанству и не-еврейскимъ національностямъ и стремленіе евреевъ къ всемірному господству". Т. е. почти то же самое, что проповѣдуетъ и партія правового порядка. То же самое, но въ другихъ словахъ повторяетъ союзъ русскаго народа и относительно управленій окраинами. „Россія едина и недѣлима; всякія попытки къ расчлененію Россіи подъ какимъ-то ни было видомъ не должны быть допускаемы. Подобно охранительнымъ партіямъ, выдвигающимъ свободы и требующимъ отъ государства не столько ихъ гарантій, сколько огражденія отъ злоупотребленій пользованіемъ свободами, реакціонныя партіи въ видѣ с. р. н. требуютъ огражденія дарованныхъ свободъ законами отъ злоупотребленія ими, причемъ с. р. н. желаетъ оградить эти свободы отъ нарушенія со стороны правительственныхъ и общественныхъ дол-

жностныхъ лицъ и учрежденій—выразятся-ли эти нарушенія въ превышеніи или бездѣйствіи власти.

„Русской народности, собирательницѣ земли Русской, создавшей великое и могущественное государство, принадлежатъ первенствующее значеніе въ государственной жизни и государственномъ строительствѣ",—гласитъ избирательная программа „С. Р. Н."—„Хозяиномъ въ Россіи долженъ быть истинный русскій",—возвѣщаетъ обновленная программа правопорядцевъ, все болѣе и болѣе сближающихся съ реакціонерами во всѣхъ пунктахъ. То же самое сближеніе повторяется и въ вопросѣ о господствующей церкви. Реакціонеры и охранители и. п. п. одинаково ратуютъ не за свободу церкви отъ рабства государства, но за признаніе православной церкви государственной.

Близкими и родными по духу у охранителей и реакціонеровъ являются и кардинальные вопросы программы о сущности народнаго представительства. Необходимость Государственной Думы, какъ совѣщательнаго учрежденія при Монархѣ, не отрицается ни тѣми, ни другими. Разница лишь въ томъ, что въ то время, какъ реакціонеры не считаютъ самодержавіе фактически уничтоженнымъ,—охранители видятъ его ограниченнымъ. Однако, октябристы, ратуя за неотложность созыва Государственной Думы, исходятъ изъ убѣжденіе, что „дальнѣйшее развитіе политическихъ формъ должно находиться въ органической связи со всей предшествующей исторической жизнью Россіи". Трудно уловить связь между исторіей прошлаго самодержавія съ новыми конституціонными формами, въ которыхъ тѣ же октябристы видятъ спасеніе Россіи. Однако, „полный разрывъ связи съ прошедшимъ" имъ страшенъ. Реставраторы старины реакціонеры и обновленцы старыхъ формъ имѣютъ много общаго: и тѣ, и другіе не дѣлаютъ шага впередъ.

На Государственную Думу перваго призыва октябристы возлагали задачу проведенія очередныхъ политическихъ реформъ первостепенной важности (крестьянскій и рабочій вопросъ, развитіе началъ мѣстнаго управленія и т. д.).

Союзъ 17-го октября за народнымъ представительствомъ признаетъ право дѣятельнаго участія рядомъ съ монархомъ въ законодательныхъ трудахъ и управленіи страной, но условія, въ которыхъ вынуждена была работать первая Дума, не разубѣдили партіи, что законодательная работа народнаго представительства не можетъ явиться плодотворной при отсутствіи отвѣтственной передъ народнымъ представительствомъ власти исполнительной.

Партія правового порядка прямо признаетъ, что для утвержденія правового строя необходима сильная государственная власть. Укрѣпить эту власть можетъ Дума, „обязанная способствовать обезпеченію за властью безусловнаго уваженія, безусловнаго повиновенія“.

Программой первой Думы объявлялись очередныя политическія реформы первой важности (октябристы), или практическіе интересы населенія (народо-хозяйственная программа), или дѣловой надзоръ и дѣловая разработка, надзоръ за дѣйствіями исполнительныхъ властей, разработка и обсужденіе законодательныхъ предположеній (с. р. н.).

Однако, несмотря на эти сближенія, крайніе реакціонеры не признали ни въ союзѣ 17-го октября, ни въ партіи правового порядка, торгово-промышленнаго союза и др. своихъ союзниковъ. И это вполнѣ понятно съ формальной точки зрѣнія: всѣ эти партіи требуютъ прежде всего конституціи, а эта поистинѣ худая конституція, одинъ звукъ слова которой дѣйствуетъ на „истинно русскихъ людей“ раздражающе, повергъ въ гнѣвъ оппозиціонныхъ „истинно русскихъ людей“, высту-

- нающихъ теперь со старой проповѣдью понаженнаго въ конецъ славянофильства.

Тѣмъ не менѣе, между охранителями и реакціонерами гораздо больше нравственной связи, чѣмъ между охранительными и оппозиціонными партіями. Охранительныя партіи стоятъ спиною къ лѣвымъ и лицомъ къ реакціонерамъ*). Поэтому-то, единеніе между оппозиціей и центромъ невозможно, какъ нельзя „запрячь въ одну телѣгу коня и трепетную лань“.

Призывъ къ сплоченію такихъ элементовъ нашелъ откликъ со стороны одного изъ „учредителей партіи мирнаго обновленія въ Думѣ“, но не считающаго нужнымъ подчиняться деспотизму комитетовъ, т. е., другими словами, вышедшаго изъ дисциплины партіи и сознавшаго, что „спасеніе родины только въ окончательномъ разрывѣ со старымъ порядкомъ бюрократическаго самовластія“.

Пока же этотъ разрывъ не обозначится вполнѣ, наши охранительныя партіи будутъ только топтаться на одномъ мѣстѣ, дѣлая шагъ впередъ въ сторону позиціи и шагъ назадъ въ объятія бюрократическаго правительства, якобы вступившаго на путь „спасательныхъ реформъ“. Одно изъ двухъ: или вѣра, что бюрократическая Россія сможетъ спасти страну и, подобно горѣ, двинется навстрѣчу Магомету, или послѣднему придется двинуться къ горѣ и на вершинѣ ея утвердить свой стягъ. Но гора стоитъ неподвижно и стягъ охранителей похожъ на не знамя побѣды, но уже сильно запятнанное знамя. Оно водружено среди труповъ павшихъ и на немъ написано кровью: конституція 17-го октября. Въ Россіи ея никто не знаетъ, не видитъ, не осязаетъ, кромѣ партій центра, уже болѣе года мирнообновляющихъ русскую жизнь на

---

*) Брошюра была уже набрана, когда союзъ 17 октября заключилъ блокъ съ „союзомъ Р. Н.“.

основѣ закона и права подъ свистъ пуль, подъ лязгъ нагаекъ, стоны и клики: „Ave, libertas, morituri te salutant“, заглушенные яростнымъ воплемъ „истинно русскихъ людей“, привѣтствующихъ начало истинно-русской жизни и возводящихъ новую грандіозную постройку стараго зданія — полицейскаго абсолютизма. Быть можетъ, тогда „охранители“, равно преданные завѣтамъ старины и новой конституціи, поймутъ, кому они играли въ руку и кого усиливали въ своемъ упорномъ непротивленіи злу.

Надо думать, однако, что этого не послѣдуетъ, и предвыборный періодъ ознаменуется крушеніемъ многихъ чисто бумажныхъ программъ и наиболѣе чуткіе изъ охранителей, истинные конституціоналисты, забудутъ различіе формъ и сомкнутся въ одну армію, девизомъ которой явится защита Россіи отъ всякаго деспотизма и активное обновленіе ея на началахъ законности и свободы.

„Охранять“ нечего, когда все взято, охраненіе обходимо оставить тѣмъ реакціоннымъ элементамъ, которые только и сильны раздробленностью и разобщенностью освободительныхъ силъ. Но для этого нужно не только вѣрить въ побѣду, но и не отгораживаться отъ борьбы. Врядъ-ли охранительныя партіи дерзнутъ на нее и еще менѣе вѣроятно, чтобы побѣда осталась за ними.

Охранительнымъ партіямъ такъ или иначе придется взять рѣшительный курсъ вправо или влѣво, такъ какъ топтаніемъ на одномъ мѣстѣ не исчерпывается ни направленіе, ни духъ партій, ни ихъ тактика. Живыхъ, конечно, партій, а не политическихъ окаменѣлостей.

Предстоящая выборная кампанія воочію докажетъ, съ кѣмъ шелъ русскій народъ: со своими самозванными главарями изъ стана реакціонныхъ организацій или за испытанными вождями, наглядно доказавшими не

только словомъ, но и дѣломъ, свою преданность идеаламъ новой жизни.

„Безпартійное правительство" дѣлаетъ все возможное, чтобы расчистить побѣду правымъ, начиная съ запрещенія (циркуляръ за подписью предсѣдателя Совѣта Министровъ г. Столыпина) „не только лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ, но и служащимъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ по вольному найму принадлежать къ партіямъ, не только явно революціоннымъ, но и такимъ, которыя не выставляя революціонныхъ программъ, дѣйствіями своими стремятся внести смуту въ населеніе".

Такими партіями легко могутъ быть названы, съ точки зрѣнія истинныхъ монархистовъ, всѣ партіи, даже пассивно тяготѣющія къ основамъ манифеста 17-го октября. Извѣстія о предложеніи высшей администраціи всячески помогать истинно-русской партіи въ организаціи предстоящихъ выборовъ не разъ мелькали въ газетахъ, въ видѣ сообщеній изъ различныхъ городовъ.

Оппозиціоннымъ партіямъ ставятся всевозможныя преграды и вѣхи и тѣмъ значительнѣе, тѣмъ ярче будетъ несомнѣнная побѣда надъ тьмой старины провозвѣстниковъ новой жизни, борцовъ за ея созданіе.

Въ такой побѣдѣ нѣтъ сомнѣній, и вторая Государственная Русская Дума не явится скопищемъ реакціонеровъ и пассивныхъ охранителей.

Этой вѣрой пока только и живетъ русскій народъ.

Безплатное приложеніе къ „Биржевымъ Вѣдомостямъ“, второе изданіе.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА,

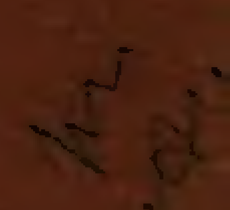
состоящая изъ 52-хъ еженедѣльныхъ выпусковъ,

размѣромъ отъ 1 до 3-хъ печатн. листовъ (24 стр.—72 стр.) каждый.

—ѲѲ—

1. Земскіе Соборы на Руси.
2. Попытки ограниченія самодержавія въ 18-мъ и 19-мъ столѣтіяхъ.
3. Наканунѣ освобожденія.—Россія въ 1901 и 1905 гг.
4. Общественные дѣятели 40-хъ и 60-хъ годовъ.
5. Русская конституція.—Свободы.
6. Русская конституція.—Избирательное право.
7. Русская конституція.—Законодательная власть Думы и контроль ея надъ администраціей.
8. Русская конституція.—Будетъ-ли Дума законодательнымъ или законосовѣщательн. органомъ?
9. Россія и Финляндія.
10. Роль земства въ освободительномъ движеніи.
11. Всеобщее, равное, прямое и закрытое избирательное право.
12. Свобода слова и печати.
13. Декларація правъ человѣка и гражданина.
14. Рабочій вопросъ и рабочее движеніе на Западѣ.
15. Мелкая земская единица.
16. Земство и земское хозяйство.
17. Народное образованіе.
18. Свобода союзовъ и собраній.
19. Еврейскій вопросъ въ Россіи.
20. Прямые и косвенные налоги.
21. Австро-Венгрія, политическій строй и національные вопросы.
22. Парламентскій строй въ Англіи.
23. Земельная реформа въ Россіи.
24. Борьба за свободу въ Соединенныхъ Штатахъ С. Америки.
25. Устройство Соединенныхъ Штатовъ С. Америки.
26. Россія и окраины.
27. Женскій вопросъ.
28. Самоуправленіе и автономія.

29. Ясеній. — Очеркъ развитія культуры и государства.
30. Свобода совѣсти.
31. Борьба за свободу во Франціи до взятія Бастиліи.
32. Борьба за свободу во Франціи 1789—1792 гг.
33. Борьба за свободу во Франціи 1792—1799 гг.
34. Организація выборовъ и выборная борьба.
35. Городское самоуправленіе и хозяйство.
36. Что такое анархизмъ?
37. Неприкосновенность личности.— Свобода передвиженій.
38. Одна или двѣ палаты?
39. Перевороты 1830 и 1848 гг. во Франціи.
40. Русско-польскія отношенія и польскій вопросъ.
41. Учредительныя собранія и конституціи.
42. Политическій строй и партіи современной Франціи.
43. Политическія партіи на Западѣ и въ Россіи. I) На Западѣ.
44. Политическія партіи на Западѣ и въ Россіи. II) Въ Россіи.
45. Государственное хозяйство Россіи.
46. Государственное хозяйство Россіи.
47. Политическія движенія въ Англіи въ XIX-мъ столѣтіи и англійскій парламентъ.
48. Народничество.
49. Народовольцы.
50. Охранительныя и реакціонныя партіи въ Россіи.
51. Освободительное движеніе въ Германіи, Австріи и Италіи въ 1848 г.
52. Политическій строй и партіи современной Германіи.

2007237612